

ДЕТЕКТИВНЫЙ
КОКТЕЙЛЬ

Елена Логунова

Подарок всем читателям!
Рецепт фирменного коктейля от автора!

Кляча
в белых
тапочках

Елена и Ирка

Елена Логунова

Кляча в белых тапочках

«ЭКСМО»

2004

Логунова Е. И.

Кляча в белых тапочках / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2004 — (Елена и Ирка)

На столетний юбилей старейшей казачки Капитолины Спиногрызовой слетелись радио, телевидение, бизнесмены, спонсоры. Бабку на старости лет завалили подарками. Гуляли так бурно, что в конце торжества кое-кого из гостей недосчитались. Трагически погиб один из приглашенных, большой любитель выпить, газетчик Гена Конопкин. Его коллега, тележурналистка Елена, привыкшая во всем искать криминал, в случайность смерти приятеля не верит. Одновременно с кончиной Конопкина исчезло и семейное фото Спиногрызовых, которое помогло бы раскрыть тайну гибели незадачливого Генки, а также пролить свет на невинные забавы членов почтенной семейки. Теперь, чтобы найти редкую фотографию, Лене придется познакомиться поближе со всеми Спиногрызовыми, живыми и «мертвыми». А покойников день ото дня становится все больше, причем они не лежат спокойно на кладбище, а шлют приветы с того света, пропадают из могил, меняются местами и ведут такой активный образ жизни, что просто умереть можно!..

© Логунова Е. И., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Понедельник	5
Вторник	18
Среда	24
Четверг	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Елена Логунова

Кляча в белых тапочках

Понедельник

Наверное, изобретателю телефона следует поставить памятник из чистого золота в натуральную величину – от имени всего благодарного человечества. А от себя лично я бы еще выбила на постаменте несколько емких энергичных слов, которые невольно произношу всякий раз, когда телефонный звонок раздается глубокой ночью или в иное неподходящее время!

На сей раз бодрая трель застала меня в состоянии полуготовности к выходу, у зеркала. За секунду до того я точным выверенным движением провела помадой по верхней губе, перешла на нижнюю, и тут телефонный аппарат на подзеркальном столике требовательно вякнул, а потом и завопил в полный голос. Рука моя дрогнула, и алая помада прочертила на лице пугающую кроваво-красную полосу от носа до подбородка.

С большим чувством произнеся те самые непечатные слова, я с неудовольствием глянула на свое отражение в зеркале. Ну, просто вылитый граф Дракула Задунайский непосредственно после очередной своей вампирской трапезы!

Неизобретательно повторив ругательства, я отложила помаду в сторону и сняла подпрыгивающую от нетерпения телефонную трубку.

– Ты еще дома? – не здороваясь, спросила трубка бодрым голосом моего коллеги, видеооператора Вадика.

Совершенно идиотский вопрос, если учесть, что он звонит мне на домашний телефон!

– Нет! Никого нет дома! – рявкнула я, как злобный Кролик из мультфильма про Винни Пуха.

И перебросила трубку из правой руки в левую. Освободившейся дланью подцепила из коробки бумажную салфетку и потерла ею красный след на своей физиономии.

Помада, заявленная производителем как особо стойкая, действительно, не стиралась, зато замечательно размазывалась. Через пару секунд нижняя половина моего лица приобрела равномерный свекольный окрас и стала выглядеть так, будто мне недавно сделали лоскутную пересадку кожи, причем донором был если не лично Чингачгук, то кто-то из его соплеменников.

– Хорошо, что ты еще дома, – невозмутимо произнес Вадик. – Сэкономишь и время, и деньги.

– Это каким же образом?

Пока было совершенно очевидно, что мне придется, наоборот, немало времени потратить на приведение своей морды в относительный порядок.

– Не ходи на работу, сиди дома, – посоветовал Вадик. – У нас с тобой, оказывается, через час съемка в Приозерном. Все равно придется проезжать мимо твоего дома, так зачем тебе ехать на студию? Мы подьем, я звякну с сотового, ты и выйдешь.

– Отлично! – бурно обрадовалась я – не столько любезному предложению Вадика и возможности сэкономить на маршрутном такси, сколько тому, что смоченная в одеколоне ватка явно побеждала красные помадные разводы, быстро возвращая моей коже колер, свойственный бледнолицым. – Договорились!

Я бросила трубку, спеша закончить тщательную зачистку напояженных территорий. Уф, справилась! Рано, рано списывать на свалку истории такое могучее косметическое средство, как тройной одеколон! Один минус: благоухаю я теперь, как застенчивый алкоголик. Ну, с этим ничего не поделаешь, принимать водные процедуры некогда, тем более что в ванной

плещется Колян, а извлекать мужа из воды – что из болота тащить бегемота. Ладно, в машине высуну голову в окошко, до Приозерного минут сорок езды, авось компрометирующее амбре «Тройного» и выветрится...

Я снова взяла тюбик «Ланком», прицелилась и ловко мазнула помадой по губам – раз, вто...

Дзинь-нь-нь! Нижней губе опять не повезло! Проклятый телефон второй раз за утро нехстати ожил, и мое лицо снова украсила ярко-красная полоса, теперь уже горизонтальная. Боевая раскраска в лучших традициях североамериканских индейцев.

– И впрямь, чисто Вождь краснокожих! – не зная, плакать мне или смеяться, пробормотала я, посмотрев в зеркало.

Длинно скрипнув, за моей спиной приоткрылась дверь в ванную, и в коридоре бесшумно возник загорелый Колян, всю одежду которого составляло махровое полотенце, намотанное на манер набедренной повязки. Темные от воды гладкие длинные волосы спадали на плечи. До полного сходства с нехстати помянутым Чингачгуком не хватало только ожерелья из медвежьих зубов и орлиного пера за ухом.

– Хуг! – вскинув руку в индейском приветствии, тематически воскликнул супруг. – По какому поводу кукуемся? Почему не встречаем мужа радостной улыбкой? Кто, черт побери, в вигваме хозяин?

Возмущенно засопев, я уже привычно плеснула на ватку тройного одеколona, потерла чудодейственным средством лицо и только после этого сняла верещащую трубку.

– А спасибо говорить тебя не учили? – с претензией спросил невидимый Вадик.

– Слышь ты, благодетель! Меня многим словам не учили, я их усвоила в процессе жизни! Не вынуждай меня грязно ругаться в третий раз за утро! – бесновато зарычала я. – Изыди, сатана! Отойди от телефона и дай мне спокойно собраться!

Шмякнув трубку на рычаг, я злобно зыркнула глазом на ухмыляющегося мужа, глубоко вздохнула, досчитала до десяти и сделала несколько магических пассов над телефоном, заклинающая его молчать.

– Глупая скво! – над моим плечом протянулась мускулистая рука. Одним движением Колян вырвал телефонный штепсель из розетки, потом снисходительно чмокнул меня в скальп и любезно подал помадный тюбик. – Вот теперь можешь наносить боевую раскраску совершенно спокойно!

– Это интимное занятие! – возразила я, прихватывая помаду и направляясь в ванную.

Там тоже есть зеркало, раскрашусь, в самом деле, без помех и ехидных зрителей!

– Эй! Ты опять пара напустил! – закричала я, едва шагнув в ванную комнату. – Тут же дышать нечем и не видно ничего!

– Хоть томагавк вешай! – весело согласился Колян.

Застонав, я сорвала с вешалки в прихожей свою сумку и убежала с ней в комнату, чтобы навести макияж, глядя в маленькое зеркальце пудреницы.

Надо же, успела! Едва я закончила рисовать губы, как тут же, в сумке, зазвенел мой сотовый: Вадик любезно сообщал, что машина бьет копытом у подъезда, и они с водителем нетерпеливо ждут меня, чтобы мчаться на съемки в прерии Приозерного.

– Иду, – буркнула я.

И вылетела в теплое сентябрьское утро навстречу ледящим душу жутким приключениям.

Капитолина Спиногрызова умудрилась прожить на свете целый век – и это при том, что с ранних лет всю свою жизнь она много и тяжело работала, пережила революцию, гражданскую, страшный для Кубани голодный двадцать четвертый год, потом недоброй памяти тридцать седьмой, Великую Отечественную войну, послевоенную разруху и много чего еще. Между

прочим родила пятерых детей, похоронила двух мужей, вынянчила внуков и еще правнуков тетешкала.

Я смотрела на сухонькую старушку, горбящуюся в глубоком кресле, и не могла поверить, что ей уже сто лет! Слов нет, похожая на богомола бабушка выглядела минимум на девяносто девять, но голубой глаз, напоминающий дымчатый сапфир, словно врезанный в темную деревянную доску, смотрел на гостей живо и внимательно.

Тут нужно пояснить, почему я говорю о глазах бабы Капы в единственном числе. Дело в том, что большую часть праздника старушка провела в темных солнечных очках, очевидно, от яркого света у нее болели глаза. Но в какой-то момент она сняла свои окуляры, и я, глядя на нее в профиль, увидела тот самый сапфирово-голубой глаз. Поглядеть на бабушку без очков в фас я не успела, заботливый внучек старушки немедленно подскочил к ней и снова оснастил окулярами.

На столетний юбилей Капитолины Митрофановны собралось немало народу. В саманном домике из двух скромных комнаток с белеными стенами и маленькими подслеповатыми окошками с трудом помещалось и нынешнее семейство бабули: она сама, ее дочь, тоже уже престарелая, и немолодые внучка с мужем. Поэтому двери в хатку притворили и шумное празднество организовали во дворе.

На порожке хаты в глубоком кресле, наверное, столь же древнем, как его хозяйка, царственно восседала героиня торжества. Несмотря на теплый денек, старушка была одета в длинное глухое черное платье, потертый лисий салоп и обрезанные валенки, для пущей нарядности дополненные красными шерстяными помпонами, ранее явно служившими украшением шерстяных детских шапочек. Голову бабушки прикрывал цветастый платок с бахромой, повязанный под подбородком, надвинутый на лоб и затеняющий все лицо. Это, впрочем, не мешало старушке оживленно вертеть головой, с детским интересом разглядывая присутствующих.

В честь столетия старейшей жительницы не только пригородного поселка Приозерного, но и всего Екатеринодара, из краевого центра прибыли представители муниципалитета и даже один из заместителей губернатора, ответственный за культурно-массовые мероприятия. Разумеется, полно было журналистов – и газетчиков, и радиийщиков. Нашего брата телевизионщика тоже хватало. Не упустив возможности получить хорошую рекламу, слетелись спонсоры: банкиры, торговый люд, политики.

Перед объективами видеокамер и фотоаппаратов бабусю буквально завалили подарками. Тут вне конкуренции оказались городские власти, щедро одарившие уважаемую именинницу квартирой в Екатеринодаре – в блочном доме стандартной планировки, в спальном микрорайоне, на девятом этаже, но зато трехкомнатной! Отдельной! С удобствами! Причем старушке полагались персональные апартаменты, комната с балконом, и некая строительная фирма в качестве собственного подарка уже успела сделать там ремонт.

Впрочем, эффекта неожиданности сообщение о щедром даре властей не имело, потому что информация распространилась заранее, представителей СМИ пресс-служба администрации даже загодя снабдила схематическим планом презентуемой квартиры и цветными фотоснимками бабулиной новой комнаты с евроремонтом. По осени предстояли очередные выборы в местные органы власти, и столетний юбилей потомственной казачки Спиногрызовой удачно вписался в предвыборную кампанию.

В общем, квартиру вроде подарили. Почему «вроде»? Потому, что пришлось поверить властям на слово, так как свидетельство о государственной регистрации права собственности бабе Капе пока не вручили. Уполномоченный даритель очень сокрушался, что не может сей же момент выдать юбилярше эту важную бумажку с печатями, так как краевое учреждение юстиции регистрирует права на недвижимое имущество в течение месяца.

– Закон суров, но это закон! – извиняясь, развел руками административный дядя.

– Закон что дышло! – громко напомнил несносный Конопкин. – Куда повернешь, туда и вышло!

В толпе одобрительно зашумели.

Благодарно кивнув Генке, словно тот подсказал ему нужную реплику, начальственный товарищ «по секрету» поведал сотне присутствующих, что предприняты все меры, чтобы в порядке исключения максимально форсировать процесс внесения соответствующей записи в Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество. Мы так поняли, что чиновники это сделают в ближайшее время, буквально – ручки в чернильницы обмакнут и сразу все, что нужно куда надо, и запишут.

– Через два-три дня гербовая бумага с печатями будет у вас на руках, – во всеуслышание заверил даритель благосклонно кивающую бабу Капу. – А пока позвольте вручить вам ключики!

И под гром аплодисментов на изувеченный подагрой пальчик старушки было надето стальное колечко с ключами. Правда, какой-то подоспевший потомок это оригинальное украшение с бабулиного перста немедленно снял – не дай бог, потеряется! Фирма «Бронедом» уже успела растрезвонить, какие крепкие двери она установила в новом жилище юбиляра!

Вторым номером в хит-параде дорогих подарков шел огромный импортный телевизор от фирмы «Мишень». Вручали его бабуле почему-то уже распакованным – наверное, чтобы недоверчивые станичники не подумали, что в громадной, как комод, картонной коробке ничего нет. Впрочем, мне неизвестно, что гласят правила хорошего тона относительно вручения телевизоров. Мелкие презенты, кажется, этикет предписывает заворачивать в цветную бумагу и перевязывать ленточками. А цветы, наоборот, предварительно извлекают из целлофана и коробок... Так или иначе, большущий телевизор водрузили на пригорок неподалеку от бабкиного резного трона, и угольно-черный плоский экран «домашнего кинотеатра» выгодно оттенил сочную зелень высоких листьев хрена.

Затем еще один спонсор – представитель фирмы «Шерстяной друг» – широким жестом накрыл Капитолину Митрофановну вместе с ее креслом огромным пушистым пледом из чистого кашемира. А потом уже на это дорожущее розово-бежевое одеяло посыпались подарки помельче: цифровой фотоаппарат, тостер, постельное белье из натурального шелка персикового цвета, норковое боа, набор косметических средств, активно препятствующих старению кожи (лучше поздно, чем никогда!), керамическая аромолампа в виде небольшого, с кошку, идола с острова Пасхи и живописное полотно размером тридцать шесть на сорок восемь сантиметров «Утро над Кубанью». Сплошь страшно нужные старушке вещи!

– Представляю, – мечтательно жмурясь, прошептал мне на ухо приятель Генка Конопкин, журналист газеты «Живем!». – Очередное утро над Кубанью. Бабуля Спиногрызова, кряхтя, слезает с печи, покрытой розовой шелковой простышкой. Она оmyвается ароматизированной солями водицей из ушата, натирает морщины кремом, набрасывает на зябнувшие плечи норковое боа и включает тостер, чтобы засушить себе сухариков – погрызть на завтрак... Слушай, а ведь в комплекте с тостером следовало бы подарить старушке запасную искусственную челюсть!

Сценка, нарисованная приятелем, была забавной, но я отмахнулась от ехидничающего Генки, глядя на извержение подношений с нарастающей тревогой. Если поначалу бабушка, туго спеленутая овчинным пледом, еще пыталась выпростать из-под него руки и дотянуться до подарков, то на этапе возложения на нее декоративного цветущего растения в тяжелом керамическом горшке юбиляра окончательно прекратила шевелиться. Близкие родственники бабули, очевидно, растерявшись, затаились где-то в толпе и ни во что не вмешивались. Соседистаничники, большой толпой пришедшие поглазеть на торжество, поначалу скромно помалкивали и с треском лужгали семечки, но потом начали выразительно показывать на растущий курган подарков пальцами, и по рядам гостей пошел тревожный шепоток.

– Замуровали бабку, данайцы! – озвучивая общее беспокойство, бесперемонно выкрикнул все тот же Генка. – А ну, живо стащите с нее этого вашего Васнецова! Он же ее раздавит!

– Васнецов, слезьте с бабушки! – не разобравшись, о чем речь, нервно гаркнула толстая тетка, исполняющая роль церемониймейстера.

Станичники загоготали, и из рядов посыпались соленые шуточки про старуху, на которую тоже бывает проруха.

Толстая тетка покраснела, с запозданием сообразив, что Генка имел в виду не какого-то конкретного гражданина Васнецова, покушающегося на девичью честь бабушки, а увесистое живописное полотно, и самолично сдернула картину с упакованных в плед коленок Капитолины Митрофановны. Резная деревянная рама углом бухнулась аккуратно на тонкий кожаный штиблет очередного сановитого дарителя, и тот от неожиданности и боли прямо посреди поздравительной речи взвизгнул и проорал непечатное слово, да так громко, что встрепенулась даже поникшая было бабулька.

Толпа развеселилась еще пуще.

– Слышь, Митрофановна! Вот уж и мать твою помянули! Кстати пришлось! – дыша вчерашним перегаром, весело завопил разбитной мужик с гармошкой. – Как положено, за родителей! Ну, где тут угощенице, где молочко от бешеной коровки? Наливай народу, не томи!

Гости загудели, как пчелиный рой, и дружно двинулись к столам, накрытым в садочке под фруктовыми деревьями. Праздничное угощение, очевидно, предоставил очередной спонсор, какой-нибудь супермаркет или оптовый продовольственный рынок, потому как традиционную кубанскую кухню на столе представляла только десятилитровая стеклянная бутылка с дымчато-голубым, как глаза юбилярши, самогоном. Гигантскую емкость плотным кольцом окружали двухлитровые пластиковые бутылки с газировкой. В качестве закуски народу предлагались тоненько нарезанные колбасы, просвечивающие кусочки рыбы на картонных подносах, сыр, сухарики, соленое печенье и разнообразные чипсы в высоких банках с изображением усатого мужика, весьма отдаленно смахивающего на кубанского станичника.

– Тьфу ты, одна буржуйская закуска, – с неодобрением оглядев столы, изрек все тот же разбитной мужичок с гармоникой. – А ну, Любашка, давай сюды свою корзину!

Необъятная Любашка в ситцевом сарафане проворно отодвинула в сторону бумажные и пластиковые тарелки с тонкими до прозрачности мясными нарезками и торжественно выложила на скатерть увесистый сверток. Развернула отстиранный до белизны миткалевый рушник и под одобрительный гул голосов достала из него толстый шмат аппетитного бело-розового сала с мясными прожилками.

– А у меня кокушки, – похвалилась тетка, похожая на Любашку, как двойняшка, только одетая иначе, в цветастый халат.

Откуда-то из-за спин заинтересованной публики к ней по рукам приплыла покрытая льняной салфеткой плетеная корзинка. Баба выгребла из нее и горстями высыпала на стол вареные яйца – крупные, остроносые, со скорлупой цвета ряженки, а затем вытащила из той же корзины трехлитровый баллон с солеными огурцами.

Мужики одобрительно загомонили, бабы деловито захлопотали вокруг стола, и уже через несколько минут скатерть сплошь покрыли крепкие ярко-красные помидоры, пучки искрящейся росой зелени, сваренные в «мундирах» розовые картофелины, щетинящиеся крупными зубчиками головки чеснока и многочисленные и разнообразные домашние пирожки: с мясом, с сыром, с картошкой, капустой, яйцами. Тарелки с «буржуйской закуской» задвинули на дальний край стола, поближе к городским гостям. Тоскливо поглядывая на остро пахнущее чесночком нежное сало, спонсоры и иже с ними вяло поклевывали хрустящие чипсы и кружевные ломтики сыра и копченой колбаски, от жары быстро темнеющие и сворачивающиеся в трубочки.

– Ну, с именинницей нас! – возвестил гармонист, первым опрокидывая стопку с самогонкой.

– Ты только посмотри, как ее скукожило! – толкнул меня локтем в бок Генка, уплетающий сочащийся красным вишневым соком домашний пирожок размером с лапоть.

– Кого? – не поняла я. – Капитолину?

– Капитолину – это само собой, – кивнул Генка. – Но я тебе про тетку Ваську говорю!

Я посмотрела в направлении, указанном надкушенным пирожком, и увидела толстую тетку, проводившую официальную часть мероприятия. Теперь, когда Генка назвал ее, я узнала редакторшу одного из городских телеканалов, Василису Никитишну, в узких кругах прозываемую просто теткой Васькой.

Эта тетка Васька – на редкость неумная особа с большими запросами и амбициями. Она полагает себя лучшей в мире ведущей телепередач и с поразительным апломбом выдает в эфир дикие глупости. Помню в День Победы с утра пораньше Васька вела в прямом эфире праздничную программу с ветеранами, двумя милыми старичками, одного из которых звали Иван Петрович, а другого Николай Васильевич. Простые вроде русские имена, отчего бы их не запомнить? Иван, Петр, Николай, Василий! В принципе эти четыре исходных имени безмозглая тетка запомнила, но зато умудрилась составить из них все возможные варианты сочетаний имени-отчества гостей: был у нее и Иван Николаевич, и Николай Иванович, и Петр Николаевич, и Василий Петрович, и еще бог знает кто. Тезке Гоголя повезло, тетка Васька хоть один раз за всю получасовую программу, но все же назвала его правильно, а бедняга Иван Петрович делал кислое лицо всякий раз, когда ведущая выдавала очередную версию его ФИО. В начале программы кроткий старичок еще пытался открыть рот и поправить Василису, но она не позволяла ему отклониться в сторону от намеченного ею самой курса, так что дедушка, наверное, решил следовать пословице – «Хоть горшком назови, только в печь не ставь!».

Выдержка изменила заслуженным старикам только один раз, в самом финале, когда идиллика Васька изрекла следующую фразу:

– Дорогие Петр Васильевич и Иван Николаевич! Не все ваши боевые товарищи дожили до этого дня, но у вас сегодня есть возможность лично поздравить их в прямом эфире с Праздником Победы!

– А вы разве и на тот свет вещаете? – потеряв терпение, зло съязвил тезка Гоголя.

Василиса потеряла дар речи, и этим немедленно воспользовался второй гость:

– Может, дождемся, когда погибшие товарищи нам по телефону в студию позвонят! – добил тетку Ваську Иван Петрович. – С ответным, так сказать, поздравлением!

– Вот ведь серость деревенская! – поймав мой взгляд и неправильно его истолковав, презрительно изрекла Василиса. – Налетели со своим салом и горилкой, испортили культурный праздник!

– Зато бабка жива осталась, – отозвался за меня Генка. – Вы ж со своим культурным праздником чуть ее заживо не похоронили!

– Кстати, а где же именинница? – Я отложила в сторону пирог с домашним сыром и огляделась.

Капитолины Митрофановны в кресле у порога хатки уже не было, очевидно, заботливые родственники увели утомленную шумным многолюдным сборищем старушку в дом. И двери за собой плотно прикрыли!

– Ну вот! – расстроилась я. – А как же интервью?

– Интервью не будет! – на скамейку рядом со мной шлепнулся потный Вадик. – На, поддержи!

Он вручил мне видеокамеру, бесперемонно придвинул к себе мою тарелку с аппетитными пирогами и полез вместительной деревянной ложкой в миску со сметаной.

– Почему же не будет интервью? – не заметив разбоя, озадаченно спросила я.

– Потому што штарушка ошчень уштала, ей шпать пора, – неприлично жадно набивая рот, ответил Вадик. – Родштвенники ожабочены шоштоянием ее ждоровья, и вшем бешшеремонным журналиштам шкажано оштавить бабушку в покое.

– Еще немного– и эта старушка обретет вечный покой, – неодобрительно проворчала я, понимая, что до сих пор операторы всех телекомпаний снимали примерно одно и то же. Попробуй с таким материалом сделать что-нибудь необычное!

– Эксклюзивчику хочешь? – вкрадчиво спросил меня Генка.

– Спасибо, я уже наелась, – погруженная в свои мысли, машинально отозвалась я. Подумала, что мне предлагают попробовать очередное блюдо. – Стоп! Что ты сказал?!

Генка некультурно вытер замасленные пирожками руки о скатерть и полез в свою сумку.

– Вот! – На стол передо мной легла цветная фотография.

– Это кто такие?

– Дай посмотреть!

Я выхватила из рук Вадика глянцевую фотографию размером десять на пятнадцать. Что тут у нас? Хм, высокохудожественный снимок: группа лиц, числом шесть штук, трое взрослых и три малыша. Граждане сгруппировались в оконном проеме, и фотограф выстроил кадр таким образом, что резные деревянные наличники веселенького зеленого цвета естественно обрамили картинку. Для этого три женщины в комнате встали в ряд, тесно прижавшись друг к другу плечами, а трое пацанов сели на подоконник, свесив испарянные загорелые ноги вниз.

– Это кто такие? – спросила я, с интересом изучая фото.

Где-же я совсем недавно видела такую затейливую резьбу по дереву? Ой, да это ж окошко спиногрызовской хатки! Вот они, резные наличники, прямо перед моими глазами, не на снимке, а в натуральном виде – покосившиеся, покривившиеся, с облупившейся краской, но вполне узнаваемые.

– Это семейство юбилярши в усеченном составе, с дочками и внуками, – объяснил Генка. – Вот, гляди! В платочке и розовой кофте с рюшечками – сама Капитолина Митрофановна. Ей тут лет семьдесят с гаком, уже неоднократно вдова, поэтому без мужика рядом. Справа от нее, в красных бусах, ее родная дочка, не знаю только, старшая или младшая, их у Капитолины вообще-то две. Слева вторая дочка, а перед ними внуки сидят.

– Три славных пацана, – кивнула я.

– Ошибочка вышла, – поправил меня Генка. – Два пацана и одна девчонка.

– Да какая разница, – отмахнулась я.

– Огромная! – Генка всплеснул руками и едва не смел с заваленного деревенскими харчами стола глиняную миску со сметаной.

Своевременно поймавший плошку Вадик посмотрел на Конопкина с укоризной.

– Большая разница! – продолжил тот. – Думаешь, откуда у меня снимок? Мне его эта самая внучка дала!

– Вот эта? – Я ткнула пальцем в толстощекого рыжекудрого малыша в ситцевых трусах и с грязными коленками, к одной из которых прилип ярко-желтый березовый лист.

– Ага, – кивнул Генка. – Только она с тех пор немного подросла и уже не гуляет по улицам топлесс. К моему великому сожалению, а то было бы на что посмотреть!

– Что, хороша внучка? – плотоядно облизнувшись, встрял в разговор Вадик.

Я пнула его ногой, чтобы не мешал, и спросила Генку:

– А когда они снимались?

– Ну, не знаю... Давно!

– А поточнее?

Я перевернула фотографию, чтобы поглядеть, не написана ли на обороте дата. Мои бабушка и дедушка, тоже станичники, всегда аккуратно подписывали фотографии, чтобы

точно знать, когда был сделан снимок. Это мы теперь так привыкли к чудесам фото и видео, что относимся к семейным снимкам без должного пиетета. А зря, все-таки история...

– Тысяча девятьсот семьдесят седьмой год, двенадцатое сентября, – хором прочитали мы с Генкой.

– Так это тоже был ее день рождения! – обрадовалась я. – Отличный материал, архивное фото! Колись, Генка, откуда у тебя эта семейная реликвия?

– Ты вон ту желтенькую дыньку будешь кушать? Нет? Тогда подвинь ее ко мне, – хитрюга Конопкин притворился, будто не слышит, о чем я его спрашиваю.

– А я вчера гонорар за очерк в столичном журнале получила, – повысив голос, как бы между прочим сообщила я информацию, не имеющую видимого отношения к обсуждаемой теме.

Однако Генка прекрасно понял, куда я клоню.

– Значит, ты сможешь одолжить мне сотню баксов? – обрадовался он.

– Еще одну сотню баксов, – заметила я, деликатно напоминая приятелю о том, что он до сих пор не вернул мне последний заем.

Генка все время «стреляет» у коллег и друзей-приятелей деньги. Причем обязательно сотнями – неважно, сотнями чего именно, рублей, баксов, да хоть тугриков! Подозреваю, что у Конопкина так много кредиторов, что он просто-напросто запутается в своей бухгалтерии, если начнет брать сложные для подсчетов некруглые суммы.

– Отлично! – сказала я вслух. – Продолжаем разговор!

Мои ожидания оправдались: на обороте снимка синели цифры: 12.09.77.

– Двенадцатое сентября семьдесят седьмого года! – быстренько перевела я. – Ага, это было двадцать семь лет назад! И снимали тут же, в этом самом дворе!

Генка молча кивнул. Я искоса посмотрела на него и поняла, почему приятель не отвечает: затолкал в рот свистнутый с моей тарелки пирожок и жует его, торопясь проглотить, пока я не заметила разбоя.

– Генка, не даvisь, не последний кусок на столе, – укоризненно сказала я. – Вон, слева от тебя, под боком у тетки Васьки непочатое блюдо с целым пирогом. Давай, тащи его к нам, пока Василиса его втихаря в свою торбу не сбросила. Похоже, пирог с абрикосами, я вижу, что-то оранжевенькое в просветах плетушки... Стоп!

Не дотянувшись до блюда с аппетитным пирогом, Генка поспешно отдернул руку и испуганно уставился на меня:

– Почему – стоп?

– Потому что я только сейчас поняла, что тут какая-то лажа! – ответила я.

– Какая может быть лажа с пирогом? – нахмурился Генка. – Он что, несъедобный?

– Как может быть несъедобной такая красотища?! – воскликнул Вадик, поднимаясь из-за стола.

Он сделал два шага в сторону Василисы и ловко выдернул у нее из-под локтя блюдо с вожделенным пирогом. Тетка Васька обернулась, гневно насупилась и открыла было рот, но Вадик не дал ей и слова сказать.

– Знаю, знаю, Василиса Никитична, вы на диете, и правильно, такую фигуру, как у вас, беречь нужно! – на одном дыхании протарахтел Вадик, возвращаясь на свое место с добычей.

Тетка Васька закрыла рот и покраснела.

– Действительно, зачем ей пирог? – шепнул мне на ухо язвительный Конопкин. – Она теперь до конца вечера Вадькин комплимент переваривать будет!

– К черту Ваську, и пирог туда же! – воскликнула я. – Я совсем о другом сейчас подумала! Объясни мне, почему фотография датирована семьдесят седьмым годом, если на обороте снимка фирменный отгиск современной цифровой фотостудии?! До меня только сейчас дошло, что этот групповой портрет слишком хорошего качества для середины семидесятых

прошлого века! Картинка четкая, ясная, все детали разглядеть можно, даже сережки в ушах у одной бабкиной дочки! Да что там, я бусины в Капином ожерелье могу пересчитать!

– Так они размером с горошину каждая! – пожал плечами Конопкин.

– А размер снимка? – не сдавалась я. – Десять на пятнадцать! А в те времена фотобумага была формата девять на пятнадцать, я точно помню, старший брат моей подружки печатал снимки дома, на такой страшноватенькой машинке с лампой, а потом сушил на другой машинке, с двумя нагревающимися стальными листами...

– Древнее ты существо, Елена, – сказал мне измазанный абрикосовым вареньем Вадик. – Ну, что ты вспоминаешь зарю эры фотографии? С тех пор все изменилось! Говорю тебе как специалист!

– Морду вытри, специалист, – сердито огрызнулась я. – У тебя еще повидло на губах не обсохло! И помолчи, мы не про видеосъемку говорим, а про фото. И вообще, я не с тобой разговариваю!

– Ой-ой-ой! – Вадик издевательски помахал ладошками и снова уткнулся в тарелку.

– Разве в те времена уже было цветное фото? – спросила я у Генки.

– В семьдесят седьмом? Конечно, было! – уверенно кивнул Конопкин. – Может, не у старшего брата твоей подружки, но в фотоателье точно имелась аппаратура, позволявшая делать цветные фотографии! Вспомни, разве у тебя нет собственных детских фотоснимков в цвете?

Я подумала и неохотно кивнула.

– Точно, есть. И именно из фотоателье, ты прав. Я там стою на фоне какой-то складчатой бархатной тряпки рядом с игрушечным пингвином. Пингвин черно-белый, а все остальное цветное, только все краски тусклые: занавеска блекло-голубая, платице на мне бледно-зеленое, и колготки не ярко-красные, а цвета сильно выгоревшего пионерского галстука. А здесь картинка очень даже цветная, вот – лист ярко-желтый, блузка розовая, у внучки волосы рыжие, как морковка. Это же не может быть просто ретушь. Знаю, была одно время такая мода, раскрашивать черно-белые фотографии акварельными красками, получалось недурно, хотя и не вполне натурально, но это явно совсем другой случай...

– У тебя в детстве был игрушечный пингвин? – заинтересовался Вадик. – Круто! А ты знаешь, что пингвин – это эмблема «Линукса»?

– Знаю, – гордо ответила я. – И что такое «Линукс» – тоже знаю, это операционная система! Не такая я замшелая, как ты думаешь!

– Просто у тебя муж программист, вот ты и научилась разным умным словечкам, – надул губы Генка, совершенно не способный наладить отношения со своим рабочим компьютером.

– Не завидуй, – сказала я. – Ты тоже можешь завести себе жену-программистку, а пока все-таки ответь мне, пожалуйста, почему эта старая фотография выглядит совсем как новая? Краски яркие, картинка четкая?

– Настя рассказала мне, что этот снимок сделал какой-то знатный мастер своего дела, заезжий фотограф, корреспондент столичного журнала – не то «Сельская новь», не то «Сельская жизнь», не помню. В общем, что-то сельское. Он тут, в Приозерном, не одну пленку отщелкал, все старался снимать виды Кубани, не слишком удаляясь от краевого центра. Работал дядя с какой-то очень крутой по тем временам техникой, оптика у него в фотокамере, судя по качеству картинки, была ого-го!

– Слушайте, вы будете есть этот пирог или мне самому его лопать, в одиночку?! – с претензией воскликнул вдруг Вадик. – Болтаете, болтаете, а я тут надрываюсь!

– Если тебе нужно оправдание для собственного обжорства, можешь считать, что я от пирога отказалась, – сказала я. – Генка! А где эта внучка, ты меня с ней познакомишь?

– Попробую ее найти, – кивнул Конопкин. – Но если заблужусь в этой толпе, позвони мне вечером на домашний – и милости прошу ко мне в гости. Тетка эта – ну, внучка рыжая, – моя соседка по лестничной площадке!

– Наш пострел везде поспел! – откомментировал Вадик.

– Молчи, несчастный! – шикнула я на него. – Передумает Генка знакомить нас с внучкой – и останемся мы с тобой без эксклюзива!

– Молчу, молчу! – оператор испуганно перекрестился вилкой.

Потом он что-то поискал глазами и активно засемафорил руками гостям на другом конце стола. Привлек внимание мужика с гармошкой и выразительно потряс над головой непечатой бутылью вишневой наливки. Пока я с интересом следила за тем, как Вадик организует бартер спиртного на съестное, Конопкин вылез из-за стола и пропал с глаз моих.

В следующий раз я увидела его уже в гробу.

– Дмитрий Палыч не сказал тебе, когда понадобится этот материал? – спросила я сонного сытого Вадика уже в машине, кивнув головой в сторону окошка, за которым рябил синий штакетник забора, огораживающего пряничную избушку Капитолины Митрофановны.

– Как не сказать, сказал, – душераздирающе зевнув, оператор уютно сложил руки на животе и поудобнее устроил стриженный затылок на подголовнике кресла. – Он сказал, что сюжет про бабусины именины пойдет в итоговый выпуск новостей за неделю.

– Итоговый выпуск будет в субботу! – обрадовалась я. – А сегодня только понедельник! Стало быть, никакой спешки нет, и я могу не ехать на студию. Завезите меня домой!

– Угу, – кивнул неразговорчивый водитель Саша.

Определившись таким образом с маршрутом, я последовала примеру похрапывающего Вадика и задремала – к сожалению, ненадолго, минут на тридцать. Разбудил меня бодрый голос Вадика, цитирующего Маяковского:

– Которые тут временные! Слазь! Кончилось ваше время! – С этими словами меня за вялую руку, как репку, выдернули в открытую дверцу машины.

Я сонно хлопнула глазами и увидела перед собой свой балкон, как флажками украшенный весело развевающимися на ветру разноцветными детскими трусиками. У балконного ограждения, пытаясь просунуть голову между прутьями, стоял на толстых складчатых ножках мой сын, и в глазах у него блестели слезы.

– Масянька! Привет! – крикнула я. – Ты чего реवेशь?

– Мама! Кака! – обиженно заявил малыш, показав пальчиком на машину за моей спиной.

Слово «кака» у моего ребенка многофункциональное, в зависимости от конкретной ситуации и поставленного удара оно означает либо предмет – «кашка», «кака» как нечто дурное, «камень», «каштан», «сказка», либо действие – «какать» или «кататься». В данном конкретном случае Масянька явно уличил меня в том, что я катаюсь на машине, бессовестно позабыв о своих материнских обязанностях.

Пристыженная, я наскоро попрощалась с Сашей и Вадиком – последний тут же нырнул на освободившееся заднее сиденье и угоризонталился там явно с целью продолжить дневной сон, – и побежала домой.

Кстати, Масяня – это, разумеется, не имя моего мальчика, а домашнее прозвище. Зовут нашего малыша так же, как его папу – Колей, а Масяней мы прозвали его с легкой руки одной моей приятельницы, которая ворковала над младенцем: «У-ти, масенький!» «Масеньким» ребенок перестал быть очень скоро, а Масяней пока так и остается. Это я поясню специально для тех, кто мог подумать, что сумасшедшие родители окрестили родное дитя в честь жутковато-симпатичной мультипликационной девочки с птичьими лапками и эллипсообразной головой!

Досрочно освобожденная няня заторопилась по своим делам. Зная, как весело и содержательно мне предстоит провести время до ее урочного появления, я отключила домашний телефон и вырубила свой сотовый, чтобы не мешали. Мася, получивший маму в свое полное распоряжение, заставил меня трижды от корки до корки прочитать ему «Мойдодыр»,

за небольшую взятку в виде печенья согласился посидеть на горшке, откушал творожного суфле и после непродолжительного, но ожесточенного сражения за права малышей-нудистов был насильственно облачен в штанишки и выведен на прогулку.

Часика через три, уже на выходе из парка, у пруда, где нарезали круги очень энергичные – в отличие от меня! – уточки, я вспомнила, что договаривалась созвониться с Генкой. Собственно, напомнили мне об этом именно уточки, крякавшие точь-в-точь так же, как их домашние сородичи в загоне у Капитолины Митрофановны.

– Хороший мальчик! Корми, корми птичек, – шаря в сумке в поисках сотового, сказала я Масыньке, старательно выковыривающему неловкими пальчиками мякиш из батона.

– Бах! – объявил хороший мальчик, свешивая ручонку с зажатым в ней кусочком хлеба за борт коляски.

Уточка радостно встрепенулась в ожидании гостинца и разочарованно закрякала, когда ребенок втянул ручонку с хлебом обратно и затолкал весь кусок себе в рот.

– Кормилец! – с иронией заметила я.

Масынька внимательно посмотрел на меня и протянул половинку батона. Я машинально взяла его, а малыш взамен ловко выдернул из моей руки трубку мобильного.

– Колюша, отдай маме телефончик! – строго сказала я.

– Бах! – ликующе возвестил ребенок.

И щедро презентовал мобильник группе пернатых!

Глупые кряквы пренебрегли возможностью наложить лапы на аппарат сотовой связи, и мой любимый «Алкатель» цвета бешеного лимона медленно погрузился в воды озера. Были бы рядом «Битлз», кстати спели бы свою знаменитую песню про желтую субмарину!

– Сиди спокойно! – велела я ребенку, свесившемуся из коляски с риском повторить путь мобильного, потом как по команде «Ложись!» упала животом в траву и сунула руку в зеленоватую водицу. Руки не хватило, пруд оказался глубже, чем я думала. Пришлось бежать в администрацию парка, просить в помощники дядьку с большим сачком.

– Телефон – это еще что! – вещал в утешение мне усатый старикан, процеживая своим «ситом» поднятую со дна жижу. – На той неделе одна матреха тут кольцо с бриллиантом утопила!

– Нашли? – Я одним глазом следила за сачком, другим за Масынькой, попивающим яблочный сок из бутылочки с соской. Как только сок закончится, бутылочка может последовать за сотовым, а мне не хотелось бы вылавливать из воды и ее тоже.

– Куды там! – присвистнул веселый дед. – Был бы еще тот брюлик величиной с кирпич, авось и нашли бы его, а там всего того кольца – на средней величины грузило, карасей мелких ловить. Ясно дело, ничего не обнаружили! Так эта заполошная матрешка сначала требовала всю воду из пруда спустить, а на другой день прибежала пеликанам в глотки заглядывать. Ей, видишь ли, кто-то сказал, что они глотают что ни попадя, дура думала, может, они и кольцо ее таким макарон сожрали!

– Это страусы, – машинально поправила я.

– Где страусы? – удивился дед.

– Нигде! Это страусы глотают все, что видят!

– Кака!

Я оглянулась. Масыня, умудрившийся изогнуться так, чтобы дотянуться ручкой до земли, поднял из травы камешек, и сосредоточенно заталкивал эту каку в рот. А я тут несчастных птиц клеймлю позором за то, что они глотают что попало! Да против шустрого годовалого младенца самый прозорливый страус – убежденный диетик!

– Брось каку! – крикнула я, отнимая у ребенка его добычу.

– Чего орешь? – обиженно откликнулся дед с сачком. – Сначала достань ей пропажу, потом брось ее обратно! Ты, доча, ничего не перепутала? Тебе телефон надо выловить али

золотую рыбку? Если телефон, так бери, вот он, я поймал, а обратно в воду зашвыривать его резону нет, он в другой раз к тебе не приплывет!

– Ой, спасибо вам большое! – Я двумя пальцами за обмотанную зелеными водорослями антенну вытащила из сачка скользкий мобильник и сунула в карман стариканова жилета заранее приготовленный полтинник.

– Это чегой-то? – Дед с недоумением разглядывал добытый из кармашка голыш.

А и в самом деле, что за странная валюта? Вроде, я держала в руке не каменную денежку, а бумажную...

– Масяня!!!

Я выдернула из неполнозубого младенческого ротика прокомпостированную купюру и обменяла ее на презентованный старику камень, невнятно пробормотав извинение.

А где телефон? Ага, вот он, торчит из углубления для бутылочек на пластмассовой перемычке Масянькиной коляски. Ой! А где же, в таком случае, бутылочка?!

Я обернулась и беспомощно застонала. На слегка волнуемой воде паркового пруда, прибившись к стае уток, весело покачивалась пустая бутылочка с соской.

– Бу! – проследив за направлением моего взгляда, сочувственно сказал сынишка. – Бах! Вроде бутылочка бахнулась туда сама по себе!

– Знаешь, насчет бутылочки – это неплохая мысль, – со вздохом сказала я маленькому поросенку, в резвом темпе выводя коляску за пределы парка. – Вот придет с работы твой папа, пошлю его в магазин за алкоголем, уложу тебя спать и приму для успокоения души рюмку-другую коньяку!

– Кака, – укоризненно сказал малыш.

– От каки слышу! – ответила я, ужасно огорченная тем, что осталась без мобильника.

Просохнуть-то он, может быть, и просохнет, а вот работать, скорее всего, уже не будет! Вот интересно, мне только аппарат менять придется или СИМ-карту тоже надо восстанавливать?

– СИМ-карту восстановить недорого, чуть больше трехсот рублей, – проконсультировал меня вечером Колян.

Ему ли не знать! Месяца не прошло, как у Коляна украли мобильник: наш милый папа имел неосторожность прикорнуть в парке на травке под деревом, едва уснул в своей коляске выгуливаемый Масянька. Сотовый Колян держал буквально под рукой, из-под руки его и увели. Милиционеры, принимая заявление о краже телефона, очень веселились, им казалось, что рассказ потерпевшего звучит на редкость глупо. А я прекрасно понимала Коляна: когда у ребенка режутся зубки и он не спит ночами, родителям тоже приходится спать урывками. И в этом случае травянистый пригорок в парке – просто королевское ложе, я лично умудрилась заснуть на приеме у стоматолога, прямо в кресле, с разинутым ртом!

– Ладно тебе убиваться, завтра зайдешь в «Мобильный мир» и восстановишь свою «симку», – сочувственно сказал Колян. – Но ты не спеши, погоди расстраиваться, может, она еще просохнет и будет работать! Достань ее из аппарата и положи на промокашку, авось отлежится и оклемается.

Поколдовав над несчастным мобильником, я пошла, как договаривались, звонить Генке Конопкину. Благо, домашний телефон пока в порядке, тьфу, тьфу, тьфу, чтобы не сглазить!

У Генки никто не брал трубку. Собственно, никого, кроме самого Конопкина, в квартире и быть не могло, он живет один уже года три, с тех пор, как от него ушла жена, не сумевшая примириться с Генкиной манерой добывать деньги путем безвозвратных займов. Я посмотрела на часы: двадцать два тридцать. Время, конечно, детское, свободный молодой мужик вполне может где-нибудь развлекаться.

– Колюшка, дай свой сотовый, – попросила я мужа, воткнувшегося в Интернет, едва я освободила телефон. – Нехорошо звонить человеку на мобильник с домашнего, особенно, если у этого человека и без того все время нет денег!

Муж молча подал мне аппарат. Я напрягла память, не без труда вспомнила одиннадцать цифр федерального телефонного номера и застучала по кнопочкам.

– Абонент недоступен или находится вне зоны действия сети, – сообщил мне лишенный эмоций девичий голос.

Значит, не судьба! Созвонюсь с Генкой завтра, благо времени на то, чтобы сделать сюжет о юбилее старушки, у меня достаточно.

Я выбросила из головы блудного Конопкина и пошла пить коньяк с бананами, которые заботливый Колян принес Масыньке в подарок «от зайчика». Ребенок все равно лег спать, не дождавшись прихода папы с гостинцем, а завтра милый зайчик передаст ему что-нибудь другое. И потом, разве мифический косой не может хоть изредка баловать маленькими подарками не только малыша, но и его маму?

– Кыся! У нас на работе капусту давать будут, нам не надо? – словно услышав мои мысли про зайчика, спросил Колян. – Ты не собираешься на зиму заготовить капустки – засолить или замочить, не знаю, что там с ней делают?

– Нет уж, в нашей семье мочить принято только сотовые телефоны, – объявила я.

Я еще не знала, что вскоре «мочить» начнут меня саму!

Вторник

Утро нового дня началось нескучно: в семь часов пробудился Масынька, встал в своей кровати и, как Ленин на броневике, простирая вперед руку, провозгласил:

– Мама! Кака!

Я приоткрыла один глаз: ребенок стянул с прикроватной тумбочки книжку и размахивает ею над головой, стараясь привлечь внимание родительницы. Ага, значит, «кака» – это было не ругательство, малыш просто требует почитать ему сказку.

– Папа! Кака! – переадресовала я призыв.

Колян вздрогнул и, не открывая глаз, обреченно забубнил:

– Одежало убежало, улетела простыня, и подушка, как лягушка, ускакала от меня...

Инсценируя описываемые сцены, я сдернула с супруга простынку – авось, на утреннем холодке побыстрее пробудится. Сама встала с постели и побрела в ванную.

– Мама! Кайка! – строго сказал мне в спину малыш.

– Будет, будет тебе кашка, подожди пару минут, – попросила я, скрываясь в банно-прачечном помещении.

К моменту моего выхода из него сцена в комнате изменилась: малыш в позе маленького Будды восседал на большой кровати, блестя глазенками и разинув рот. Посреди комнаты возвышался двухметровый Колян, пугающе размахивающий руками и вещающий с отменным грузинским акцентом:

Ухады-ка ты дамой, – гаварыт!

Да лицо свае умой, – гаварыт!

А нэ то как налэчу, – гаварыт!

Р-растапчу и прагладчу, – гаварыт!

Я поняла, что крокодил из сказки Корнея Ивановича Чуковского почему-то причислен к числу лиц кавказской национальности, и в тон сказала:

– Вах! Шашлык-машлык будешь?

– Кайка!! – восторженным хором воскликнули мои Коляны, и большой, и маленький, бросаясь в кухню.

Напитав троглодитов, я быстренько упаковала Масыньку в прогулочный костюм, собрала вещмешок с набором сменных одежек, печеньем и соком и вручила дитя приходящей няне.

– Пока-пока! – помахав маме и папе ручками, малыш с достоинством удалился на прогулку.

– Пока-пока! – повторил Колян, принимая из моих рук свою сумку, пакет с обедом, часы, ключи, бумажник, сотовый телефон и зарядник к нему. – Надеюсь, ты ничего не забыла!

С этими словами супруг испарился.

– Уф! – Я вытерла пот со лба, в диком темпе перемыла оставшуюся от завтрака посуду, постирнула пару свежеописанных Масынькиных трусишек, промчалась по дому со шваброй наперевес, вымыла руки, наскоро причесалась, оделась и поскакала на работу.

К месту свершения своих трудовых подвигов я, по обыкновению, опоздала минут на тридцать. Вредная старушка-вахтерша по прозвищу Бабулина при моем появлении возгласила:

– Явилась – не запылилась! Вот ты, Елена, опять опаздываешь, а я из-за тебя сиди тут, карауль! Нету у меня столько времени, чтобы каждого по отдельности записывать!

Она демонстративно поставила в журнале жирную галочку против моей фамилии, гулко захлопнула свою амбарную книгу, сунула ее в ящик стола, вытянула оттуда взамен рулон туалетной бумаги и торжественно проследовала в места общего пользования.

Обращать внимание на злобствующую Бабулину не стоило, но за ее спиной в дверях кабинета стоял с самым страдальческим выражением лица наш главный редактор Дмитрий Палыч. Поймав мой взгляд, он укоризненно постучал пальцем по циферблату наручных часов. Понимая, что надо как-то оправдать свое опоздание, я порылась в сумке, вытащила кстати подвернувшуюся компьютерную дискету и сказала первое, что пришло в голову:

– Написала дома текст к сюжету, хотела распечатать – и не смогла, принтер испортился, такая досада!

– Принтер сломался? А что с ним случилось? – против ожидания, главный не принял мою версию, как обычно, одним благосклонным кивком, захотел проявить сочувствие.

Черт, а что в самом деле могло случиться с принтером?!

– Да ничего страшного! Батарейки сели! – ляпнула я и тут же втянула голову в плечи: боже, какие могут быть батарейки в принтере?!

– Надо новые купить, – посоветовал не сведущий в компьютерной технике Дмитрий Палыч, исчезая в своем кабинете.

Уф! Отбилась!

Победно улыбаясь, я проследовала в нашу редакторскую. Очевидно, мои более дисциплинированные коллеги уже заняли свои посты на линии трудового фронта, потому что в помещении никого не было. Ну-ка, поспешу и я включиться в работу!

Я прошла к своему столу, поставила на стул сумку и, не присаживаясь, набрала номер редакции газеты «Живем!». Это желтоватое популярное издание занимает этаж под нами, и именно там работает Генка Конопкин, который обещал свести меня с кем-то из потомков столетней бабы Капы.

– Алле, Наташа? Привет, это Лена, – поздоровалась я с секретаршей. – Натуся, Конопкин там?

– Еще нет, привезут к двум часам, – как-то грустно ответила обычно смешливая Наташа.

Что за новости, Генка начал ходить на работу во вторую смену? И даже не ходить, а ездить – вон, говорят, его привезут? Я удивилась, но не стала уточнять, что к чему.

– Я непременно должна его увидеть, – сказала я Наташе.

– Все должны, – согласилась она. – Гражданская панихида состоится на кладбище, а проходить будем у нас в актовом зале, с четырнадцати до пятнадцати.

– С кем прощаться?! – обалдела я.

– С Геннадием Петровичем!

– С кем?!

– Да с Конопкиным же!

– Он что, умер?!

– А ты не знала? – удивилась Наташа. – Гена погиб!

– Когда?!

– Вчера.

– Как – вчера? – Я не верила своим ушам. – Да вчера мы с ним вместе были в Приозерном на старушкиных именинах, и Генка был живее всех живых, трескал пироги и пил самогонку!

– Вот и допился, – вздохнула Наташа. – Прости, господи, о покойниках, конечно, нельзя говорить плохо, но Гена уж слишком любил заглянуть в рюмку. Небось не пил бы самогонку, так и не полез бы в этот овин!

– Подожди, Натуся, я ничего не понимаю! – взмолилась я, чувствуя головокружение, словно и сама хлебнула треклятой самогонки. Какой еще, к чертовой бабушке, овин?! – Я сейчас к тебе спушусь, и ты мне все обстоятельно расскажешь, ладно?

По лестнице я скатилась кубарем и уже через минуту была в приемной редакции «Живем!». Думаю, разговорчивой Наташе давно не попадался такой благодарный слушатель, как я. Пока секретарша пересказывала мне официальную версию гибели Генки, я сидела напротив нее на месте посетителя, тараща глаза, как сова, и развесив уши, как спаниель. И, право, было от чего озвереть!

Оказывается, после нашего с Вадиком отъезда с места исторического события – празднования юбилея Капитолины Митрофановны, Конопкин успел много чего начудить. Во-первых, он вдумчиво накушался пресловутого «молочка от бешеной коровки» и после отбытия прессы и официальных лиц в теплой компании родных и близких друг другу станичников пел с ними вместе кубанские песни, плясал, поднимая пыль, нечто залихватское в паре с дородной теткой Любашкой и даже кокетничал с юбиляршей, распевая в ее честь: «Черноглазая, понял сразу я, ты судьба моя, черноглазая!» Баба Капа смущалась, старушкин зять – или кем там ей приходится муж внучки? – хмурился и пытался не в меру галантного Генку окоротить, но Конопкин был неуправим. Он пил, пел, куролесил и уже под занавес мероприятия зачем-то забрел в овин – предположительно, хотел прилечь и отдохнуть в укромном уголке. В овине же, каковым словом именовался просто-напросто поместительный двухъярусный сарай, на втором этаже лежало сено для хозяйской коровки. Только сено было не простое, а прессованное. Сухой паек для спиногрызовской буренки предоставил местный колхоз, его сеноуборочный комбайн формовал из травы этикие бочонки весом около тонны, и пара таких тяжелых «чушек» скатилась на несчастного Генку, когда он неосторожно выдернул опору из-под дощатого «пола» импровизированного второго этажа!

– Похоже, в этом овине все держалось на честном слове, буквально пара каких-то лопат подпирала всю опасную конструкцию, – закончила свой рассказ Наташа.

– Вот идиотизм! – Я не нашла, что сказать.

Генку страшно жалко, но можно ли быть таким дураком? Ну, занесла тебя по пьянке нелегкая в этот дурацкий сарай, так какого черта ты там карате-до показываешь, рукомашество и дрыгоножество устраиваешь!

– Погиб Гена, прямо как Самсон, – грустно пошутила начитанная Наташа, точно угадав мои мысли. – Все-то разницы, что мифологический персонаж колонны посшибал, и на него купол храма обрушился, а наш Конопкин лопату на себя потянул и сеновал развалил!

– Послушай, Наташ, а почему его так скоро хоронят? – спросила я. – Обычно, насколько мне известно, требуется день-другой на соблюдение всех формальностей. Ну, свидетельство о смерти оформить, все для похорон приготовить, поминальный обед заказать...

– Какие формальности, о чем ты говоришь? С нашим-то влиянием, с нашими связями, с нашим бюджетом, в конце концов!

Я поняла, что собеседница имеет в виду родное издание – популярную газету «Живем!» – и кивнула:

– Ясно, ваше начальство пустило в ход скрытые рычаги и организовало процесс в режиме «нон-стоп». И все же, я не понимаю, зачем это? Почему Гену нужно похоронить сегодня, а не завтра?

– Завтра никак нельзя, завтра у нашего главного юбилей! – замахала руками Наташа. – Подарки готовы, гости званы, ресторан заказан – отменить шоу нет никакой возможности!

– А послезавтра?

– А послезавтра к нам на «прямую линию» с читателями приедет представитель президента по Южному округу! Часа четыре будем париться, тут не до похорон.

– А послепослезавтра, – спрашивала я, уже предвидя ответ.

– Послепослезавтра нам сдавать сдвоенный номер, работы – выше крыши, – вздохнула Наташа. – Если не справимся, начальство всех нас похоронит, причем в братской могиле!

Работа в этот день у меня не задалась: потом было прощание с погибшим, панихида, похороны, поминки...

Домой я пришла позже обычного, няню уже успел сменить Колян. Открыв дверь, я тихонько заглянула в комнату – папа с сыном сидели рядышком на полу, завороченно глядя в телевизор. На экране рахитичный поросенок Фунтик, худое большеголовое существо с пятачком, похожим на электрическую розетку, тоскливо клянчил деньги на домик для бездомных поросят.

Я бесшумно прошла в кухню, села на табурет, положила голову на кулаки и задумалась: к вопросу о домиках для бездомных поросят, откуда, интересно, взялась квартира, презентованная мэрией бабуле Спиногрызовой? Покойный Генка, царство ему небесное, на юбилее ляпнул мне что-то такое о строительно-инвестиционной компании, в учредителях которой ходит один из замов нашего мэра. Вроде это настоящая финансовая пирамида, люди уже не один год отдают деньги за жилье в рассрочку, а квартиры пока никто не получил, из полудюжины проданных «на корню» домов построен только один. Дотошный Генка, от которого редакция постоянно требовала сенсационных материалов, на именинах сказал мне, что попытается добыть побольше фактов. К чему это я? А вот к чему: вдруг Генка не сам погиб? Может, его убили? Привязался на этих проклятых именинах к какому-нибудь криминальному спонсору с ненужными вопросами – и похоронили его от греха подальше?

Задавшись этим вопросом, я тут же отрицательно покачала головой. Дорогая Леночка, сказала я сама себе, мне понятно твоё нежелание верить в то, что добрый приятель погиб в результате глупого несчастного случая, но не надо искать криминал там, где его нет!

– Мама! – В кухню резвым галопом на четвереньках влетел мой любимый малыш, периодически забывающий о том, что он уже умеет неплохо ходить на двух ногах.

– Кыся! – обрадованно произнес Колян, неотступно двигаясь следом за кавалерией.

– Ты голодный? – Я подхватила сынишку на руки.

– Да! – воскликнул Масынька.

– Да! – повторил Колян.

– Ты мокрый! – воскликнула я, пощупав туго обтягивающие толстую детскую попку штанишки.

– Да! – подтвердил малыш.

– Нет! – возразил Колян.

Я вопросительно посмотрела на него.

– В смысле, я не мокрый! – пояснил он.

– И то хорошо, – заметила я.

– И, кстати, твоя сим-карта тоже уже не мокрая! – Колян быстренько сбегал в комнату и вернулся с моим сотовым в руках. – Как я и предполагал, она отлежалась, просохла и вполне исправно функционирует! Я вставил ее в твой старый телефон и даже успел получить для тебя SMS-сообщение! На, читай, это тебе, я ничего не понял!

Я поморщилась при виде облезлой «трубы» со следами острых детских зубов на корпусе. Мой самый первый сотовый телефон, заря нашей семейной телефонизации! Я давно купила себе аппарат посимпатичнее, а эту «лопату» отдала Масыньке. Эх, придется мне снова пользоваться древним агрегатом, ведь это только «симка» просохла и ожила, а сам аппарат, совершивший погружение в воды паркового озера, почил в бозе!

Вздыхнув, я посадила на диван голенького малыша и взяла из рук мужа трубку старого сотового, всучив ему взамен мокрые детские штанишки.

– Это зачем? – недоуменно спросил супруг.

– Это что? – с очень похожей интонацией произнесла я, с трудом читая сложенные из латинских букв русские слова: «Бабки грохнули. Буду копать». – Какие бабки?

– Говорю же тебе, я тоже ничего не понял! – Колян протянул поверх моего плеча длинную руку и запищал кнопчками трубки. – Посмотри, кто прислал тебе эту шифrogramму, может, тогда что-то прояснится! Вот, глянь: тебе знаком этот номер?

Я посмотрела, и мне стало дурно:

– Ох! – Я опустилась на диван рядом с Масянькой.

– Пу-у-у! – с нежностью в голосе протянул малыш, схватившись за пуговицу моей блузки.

– Мася, отпусти маму, ей плохо, – встревожился Колян. – Кыся! Что с тобой? У тебя головокружение?

– У меня галлюцинации, – слабым голосом отозвалась я. – Дай сюда мобильник, я еще раз посмотрю, может, мне показалось... Нет, все точно!

– Что точно?!

– Это номер сотового Гены Конопкина, – я подняла глаза на мужа. – Это он прислал мне SMS-ку. Сегодня. Два часа назад.

– Ну и что? Почему бы Генке не прислать тебе сообщение? – Колян никак не мог понять, что меня так взволновало.

– Потому, что вчера Генка погиб! А сегодня мы его хоронили, и два часа назад он уже лежал в гробу, в сырой земле! – Я наконец выговорила и заплакала.

– Генка погиб! – повторил Колян. – Как же так?

Он внимательно посмотрел на меня и потянул за ручку насупившегося ребенка:

– Ладно, Масянька, давай оставим маму в покое. Пойдем, наденем сухие штаны и почи-таем сказку!

– Каку! – согласился малыш, с готовностью сползая с дивана.

Я тупо посмотрела им вслед и вновь взяла в руки трубку мобильного. Ладно, сообщение Генка отправил вчера, это доставили его мне только сегодня, потому что раньше у меня телефон не работал, тут все понятно. Но что означает фраза: «Бабки грохнули»? Бабки – это деньги? Какие деньги? Кто их грохнул и как именно? Растратил или проиграл? И как, черт побери, понять заявление «буду копать»?

Механически занимаясь домашними делами, я думала об этом весь вечер. Готовила ужин, кормила свое семейство, мыла посуду, пасла на просторах квартиры шустрого малыша – и при этом не могла избавиться от ощущения, будто являюсь героиней голливудского «ужастика». Из тех, в которых по воле рока и сценаристов в перенаселенных склепах оживают иссохшие мощи, из подземелий толпами бегут бряцающие ржавыми цепями скелеты, из тесных стальных ящичков морга рвутся на волю синюшные покойники, и блудные мумии в обрывках промасленных тряпок мечутся по коридорам музеев в поисках выхода в мир живых.

– Жди меня, и я вернусь!

Только очень жди!

Эти слова напряженным голосом произнес с телеэкрана пожилой мужчина в концертном костюме с галстуком-«бабочкой».

Я вздрогнула и внимательно посмотрела на экран. Декламатор, гримируясь перед концертом, явно переборщил с белилами. Должно быть, стремился придать своему породистому лицу «интересную бледность», но в результате стал похож на вампира, какими их изображают все в тех же голливудских фильмах.

Или это у меня нынче такое настроение, что всюду мерещится разная активная нежить? Я заерзала на диване, точно он начал нагреваться, как адская сковорода.

– Смотри, Кыся! Мумия возвращается! – неожиданно громко сказал сидящий рядом Колян.

Я схватилась за сердце и зажмурилась.

– Что с тобой? – удивился муж. – Говорю тебе, взгляни!

Почти не чувствуя под похолодевшей ладонью сердцебиения, я послушно открыла глаза и посмотрела прямо перед собой. На паркет, усыпанный лохмами растерзанных папирусных свитков! И мысленно тут же нарисовала на фоне наших шелковых штор веселенькой желто-синей расцветки мультипликационную мумию, аккуратно, с головы до ног, обмотанную белыми бинтами. Теперь эти бинты валялись на полу. Похоже, я пропустила мумийский стриптиз!

– Что это? – немеющими губами прошептала я.

– Бу-у! – ответил мне Масынька, важно выступая из коридора.

Левой рукой малыш прижимал к груди рулон туалетной бумаги, а правой отрывал от него разной длины ленты и широким жестом бросал их на пол по ходу движения. Выглядело это очень торжественно.

– Правда, смешной? – умиленно улыбаясь, прошептал мне на ухо Колян.

– Правда, – согласилась я.

На самом деле мне было не до смеха.

Нечто подобное я наблюдала недавно – на похоронах Гены Конопкина: вот так же торжественно какие-то тетки в авангарде печальной процессии бросали надломленные живые цветы под колеса катафалка.

В постель я легла в самом мрачном настроении, с трудом удержавшись, чтобы не пожелать самой себе:

– Спи спокойно, дорогой товарищ!

Среда

И не стоило удивляться тому, что под утро мне приснился Конопкин с лопатой!
– Копайте и докопаетесь! – загробным (что воспринималось как само собой разумеющееся) голосом возвестил он.

– Стучите и откроется вам, – сквозь дрему пробормотала я.

– Кыся, стучат! – в развитие темы сонным голосом сообщил мне Колян.

И тут же виртуозно всхрапнул, демонстрируя полную невозможность подняться самому, чтобы впустить раннего гостя.

Я с трудом оторвала всклокоченную голову от мягкой подушки и прислушалась. Действительно, в дверь стучали. Или, точнее сказать, деликатно скреблись.

С большой неохотой я слезла с кровати, сунула ноги в шлепки и побрела к входной двери, по дороге подхватив со стула и напялив на себя просторную мужнюю майку.

– Кто там? – зевнув, поинтересовалась я.

– Свои! – прошептали мне в ответ.

Голоса я спросонья не узнала, но свои так свои. Я повернула ключ в замке и открыла дверь.

– Привет, дорогая! – в проем шагнула моя мама с большой дорожной сумкой в руке.

Поцеловав меня, она крадучись проследовала в кухню.

– Привет, дорогая! – следом за мамулей на пороге возникла моя сестрица, тоже с сумкой и уже заранее на цыпочках.

– Пливет, дологая! – За сестрой хвостиком следовал ее четырехлетний сынишка, мой племянник Шурик.

За спиной у пацана болтался плюшевый мишка, путем элементарного харакири превращающийся в рюкзачок.

Я пропустила Шурика в дом и выглянула на лестничную площадку – больше там никого нет? А то в одной квартире с мамой, сестрицей и Шуриком живет еще кот Пуся, может, он тоже приехал? С узелком на палочке...

Кот на лестнице и в самом деле был, но не Пуся, а какой-то совершенно посторонний матроскин – безо всякой ручной клади. Он, впрочем, быстро переместился на коврик у двери и тоже изъявил желание войти и присоединиться к компании гостей, но я недрогнувшей рукой закрыла дверь перед усатой-полосатой мордой.

– Мы останемся до пятницы, – деловито сообщила сестрица.

– Отлично, – ответила я, мысленно прикидывая, сколько спальных мест смогу организовать в однокомнатной квартире.

– Не беспокойся, – словно угадав, о чем я думаю, сказала мама. – Мы уже звонили Иришке, договорились, что остановимся у нее. К вам мы сейчас зашли просто по пути.

– Отлично, – повторила я, вздыхая с облегчением.

Иришка – это моя единственная настоящая подруга. Сама я обычно называю ее Ирккой. Уменьшительное «Иришка» плохо подходит к образу дамы с параметрами сто семьдесят на сто семьдесят, а именно таковы ее рост и объем бедер. Правда, при этом фигура Ирки далека от кубической, потому что у нее есть и стройная шея, и отчетливо выраженная талия. Она вовсе не толстуха, просто очень крупная, воплощенная мечта Рубенса. Свойское залихватское «Ирка» отлично сочетается с присущими моей подруге детским оптимизмом и любовью к приключениям. Даже после того, как Ирка моими стараниями обрела любимого и любящего мужа, она не перестала активно участвовать в моих бесконечных авантюрах!

– Кстати, Иришка просила передать, что ждет и вас всех сегодня вечером на ужин, – продолжила мама. – Сама она почему-то не может тебе дозвониться.

– Ага, у меня сотовый не работал, а домашний телефон я на ночь выключила, чтобы не разбудил Масяньку, – кивнула я. И с некоторым опозданием вспомнила о долге хозяйки: – Кому кофе, кому чай?

– Чай, кофе, коньяк, кисель? – хихикнула сестрица, цитируя бабушку моей приятельницы Оли.

Гостеприимная старушка этим любезным предложением регулярно ставила в тупик гостей, пораженных столь оригинальным ассортиментом напитков.

– Нет, спасибо, мы плотно позавтракали дома и еще перекусывали в автобусе, так что пойдем, у нас много дел, нужно успеть в три разных места, – сказала мама.

– Мось, Мось! – удрав из кухни, громко зашептал под дверь в комнату Шурик, очевидно, убежденный, что прозвище двоюродного братика – «Масяня» – пишется через «о» – как «Моська».

– Будем ждать вас у Иришки в восемь вечера, – напомнила мама, с ловкостью опытного торреро загоняя Шурика в коридор. – Мы ушли, пока! Коле и Масяне, когда проснутся, привет!

Родственники организованной толпой без лишней суеты и шума покинули квартиру. Я закрыла за ними дверь, поставила на огонь чайник и пошла будить своих спящих красавцев. Впрочем, малыш, оказывается, уже нетерпеливо подпрыгивал в кроватке, готовясь громким криком сообщить миру о своем пробуждении.

– Кыся, кто это приходил? Что надо? – зевая, спросил Колян.

– Кака! – радостно отозвался Масяня на вопрос, крепко запомнившийся ему благодаря стихотворению Чуковского.

– Что надо? Шоколада, – понятиливо завела я требуемую «сказку». – Для кого? Для сына моего. А много ли прислать? Да пудов этак пять...

– Или шесть! – воскликнул Колян, воодушевляясь при упоминании о еде. – Больше ему не съесть, он у меня еще маленький! Кыся! А что у нас сегодня на завтрак?

И утро покатило по накатанным рельсам. Я покормила своих троглодитов, снарядила одного на работу, другого на прогулку и собралась сама. Уже подтягивая полностью экипированного Масяньку к двери, я услышала стук и посмотрела на будильник: ровно девять часов утра, наша няня на редкость пунктуальна!

– Кто там? Что надо? – совершенно автоматически отозвался Колян, задержавшийся у зеркала.

– Мама, кака! – уловив знакомое словосочетание, требовательно закричал ребенок.

– Папа, сказку! – переадресовала я заказ.

– Что надо? Шоколада, – покорно завел Колян, привычно ловко производя «хвощение». То есть собирая под резинку в гладкий толстый «хвост» свои длинные волосы – предмет моей зависти.

Я распахнула дверь, вручила младенца няне, крикнула:

– Пока-пока! Мама побежала! – и ускакала на работу.

Честное слово, даже будь я младшей медсестрой в перенаселенном сумасшедшем доме, нипочем не оставила бы работу, ведь самая беспокойная трудовая деятельность в сравнении с каторжной жизнью домохозяйки – это сплошной праздник!

Дежурный праздник жизни в нашей телекомпании предполагал мое активное участие в съемках и монтаже пары новостных сюжетов. С этой частью шоу-программы я справилась быстро, уже к обеденному перерыву, так что остаток трудового дня могла посвятить работе над сюжетом о бабушкиных именинах.

Честно говоря, в связи с гибелью Генки мне ужасно не хотелось возвращаться к этой теме, но материал был заявлен в программе на субботу. Значит, эмоции придется отодвинуть в сторону, хочешь не хочешь, а работу нужно сделать.

А уж если что-то делать, то делать хорошо! Поэтому я не отказалась от мысли использовать в своем материале интересное семейное фото, которое показывал мне Конопкин на празднике в Приозерном. А как же мне этот снимок получить? Телефон Капиной правнучки Генка мне не оставил, но проговорился, что она его соседка по лестничной площадке. Адрес дома, в котором жил Генка, я не знаю, но сам дом, а также подъезд и квартиру помню, потому что мне случалось бывать у него в гостях. Поеду-ка я туда, пожалуй, и на месте отыщу потомков уважаемой Капитолины Митрофановны...

Добрый Дмитрий Палыч дал мне по такому случаю служебную машину с водителем, и я с комфортом добралась в спальный микрорайон Водников. Без труда нашла нужную мне блочную девятиэтажку, оставила водителя Сашу дремать в машине и вошла в подъезд. Поднялась на второй этаж, с грустью покосилась на обитую красным дерматином дверь квартиры, в которой жил Генка, обвела взглядом две другие двери и задумалась: с какой начинать? Генкина квартира крайняя слева, значит, логично будет двигаться слева направо. Так и сделаю.

Я решительно нажала на кнопку электрического звонка.

– Кто-о? – спросил слабый старческий голос.

Трепель звонка не успела еще отзвенеть. Похоже, старикан занял пост под дверью загодя!

– Телевидение, – откликнулась я, прикидывая, может ли мой собеседник оказаться потомком столетней бабы Капы.

Если судить по голосу, старикан, скорее, «тянул» на ее предка! Не видя деда, я дала бы ему лет двести...

– Кто-о? – Дедок меня явно не услышал.

– Телевидение! – гаркнула я.

– Како-ое? – пропищал дотошный старец.

– Такое! – рявкнула я.

– Покажь документ! – деловито потребовал ровесник Мафусаила.

– Как? – удивилась я.

– Документ, говорю, покажь! – Дедок, насколько смог, повысил голос.

Интересное дело, он что же, считает глухой меня?!

– Как показать?! – заорала я. – В замочную скважину?!

Пятисекундная пауза. Потом, издав лязгающий металлический звук, дверь приоткрылась на длину стальной цепочки. Я сунула в амбразуру раскрытое удостоверение.

– Погодь, не суй мне свою корочку, я за очками сбегая, – торопливо проговорил старец.

Судя по всему, «бегом» дед называл ленивую черепашую трусцу. Минуты полторы его шаркающие шаги удалялись прочь от двери, пока совсем не затихли. Я прикинула и решила: если даже очки попадутся старичку под руку сразу, без продолжительных поисков, раньше, чем через пять минут он не вернется.

Так и вышло: пока дедок «бегал» за своими окулярами, я успела побеседовать с обитательницей соседней квартиры.

Длинноногая девчонка, старательно накачивающая челюстные мышцы жеванием резинки, очевидно, услышала мои отнюдь не кулуарные переговоры со старцем. Ничего удивительного, думаю, наши голоса разносились, как минимум, на этаж вверх и вниз.

– Че вы с ним разговариваете, папа говорит, что у Еремеича слабее, чем слух, только мозги, – не смущаясь тем, что старичок может услышать нелестные речи, сказала мне барышня с гнусным смешком. – У него давно уже склероз пополам с маразмом! Прикиньте, смотрит по телику «Вести» и переживает: «Что-то опять нашего генсека не показывают! Небось совсем разболелся!» Старикан сам не знает, в каком времени живет!

– А ты не скажешь, у него, у Еремеича этого, есть жена или дочь?

– Наши жены – ружья заряжены! – снова хохотнула жвачная барышня. – Это Еремеич сам так говорит! У него на стене на жутком коврике с лебедями двустволка висит, обороняться,

если что! Хотя кому он нужен, нищета собесовская... А ведь наверняка и сейчас свою пукалку древнюю с собой притащит – вдруг вы вовсе и не с телевидения, а грабить его пришли? Отнимать самое ценное – кошелек с мелочью и плюшевый вымпел передовика соцсоревнования!

Речи девочки меня неприятно удивили. Такая юная и такая злая! Старика Еремеича, которого я пока что и в глаза не видела, уже стало жалко. Одиному пенсионеру наверняка не в радость такие соседи, как моя собеседница и ее папенька.

– Я ищу женщину, у которой в поселке Приозерном есть старая родственница по имени Капитолина Митрофановна, – обрывая язвительную тираду неприятной барышни, сухо сказала я. – По моим предположениям, она должна быть вашей соседкой...

– Если бы! – скривила румяное личико гадкая девица. – Соседка, как же! Она моя мамашка, Настька! Корова деревенская, королева Приозерного, буренка из Масленкина!

Я не стала дожидаться, пока злобная девица закончит перечисление всех гадких эпитетов, присвоенных ею собственной матери, и перебила негодницу вопросом:

– А где сейчас твоя мама? Могу я с ней поговорить?

С запозданием я подумала, что в этот час – почти половина третьего по московскому времени – женщина вполне может быть на работе, но на сей раз мне повезло.

– Машенька, кто меня спрашивает? – донесся из глубины квартиры приятный женский голос.

– Телевидение! – повысила я голос.

– Покажь документ! – закричал старичок, некстати вернувшийся из забега за очками.

– Извините, дедушка, я не к вам! – крикнула я, торопясь отделаться от аксакала.

– Почему не ко мне? – Обиженный старичок отстегнул цепочку и выполз за дверь.

Больше всего он был похож на черепаху – древнюю, возможно, даже ископаемую: голый череп, серая морщинистая шея, огромные выпуклые линзы на месте глаз и красно-коричневый шотландский плед на плечах. Вообще говоря, надо бы выяснить, сколько ему годков, на глазок – так не меньше ста пятидесяти, может, мне и его пристегнуть к сюжету про старушку-юбиляршу? Можно сделать пространный спецрепортаж и назвать его так: «Живые реликвии нашего города»!

– Это деньги собирают! – заорала по-прежнему торчащая в дверях барышня со жвачкой. – На памятник борцам с коммунизмом!

– Нету у меня никаких денег! На пенсию живу, – старичок на удивление быстро ретировался и с лязгом захлопнул за собой стальную дверь.

– Спасибо, – нехотя поблагодарила я находчивую врушку.

– Не за что! – Девица хихикнула и канула в глубину квартиры.

На ее месте на пороге появилась миловидная молодая женщина с усталым лицом. Вытирая мокрые руки ситцевым передником, она близоруко присмотрелась ко мне:

– Вы ко мне? Мы знакомы?

– Вы внучка Капитолины Митрофановны? Или, может, правнучка?

– Внучка, – кивнула женщина, глядя на меня вопросительно и настороженно. – А вы кто будете?

– Телевидение, – в очередной раз повторила я, протягивая ей удостоверение, в которое так и не удалось заглянуть близорукому Еремеичу. – Мне посоветовал обратиться к вам ваш сосед, Гена Конопкин.

– Геночка! – Миловидное лицо моей собеседницы омрачилось. – Он ведь умер, вы знаете? Такое горе!

– Подумаешь, горе великое! Одним пьяницей меньше стало! – донесся до нас из глубины квартиры голос противной девчонки. – Жаль только, что деньги он теперь так и не отдаст, этот алканавт у папы только на прошлой неделе очередную сотню занял!

Я стиснула зубы. Надавать бы как следует маленькой негодяйке солдатским ремнем по мягкому месту, да нельзя, небось мать не позволит обидеть милую доченьку...

– Наподдать бы ей ремнем по заднице, – точно прочитав мои мысли, с досадой произнесла женщина. – Да ведь нельзя, тут же нажалуется отцу, еще и приврет, пожалуй!

Хозяйка еще раз вытерла руки о передник и наконец взяла у меня удостоверение, которое я так и держала в протянутой руке.

– Елена Ивановна?

– Можно Лена, – сказала я.

– Очень приятно. А меня Настей зовут.

– Настеха-распустеха! – издевательски прокричала дрянная девчонка, явно подслушивающая нас.

– Да что же мы на пороге стоим, пойдемте ко мне, – спохватилась Настя. – Там хоть поговорим спокойно.

Следуя за хозяйкой, я прошла по коридору мимо открытой двери комнаты юной негодницы. Дурно воспитанная девчонка, валяющаяся на диване в компании игрушечной гориллы совершенно уголовного вида, показала мне язык.

– Выпороть бы тебя, – повторила я.

– Проходите, – Настя открыла передо мной дверь в комнату, которая явно служила детской.

Я вошла и с интересом оглядела помещение. Стены просторной комнаты были оклеены обоями небесного цвета. На голубом фоне белели пухлые облака и едва заметно серебрились звездочки, нарисованные специальной краской: если в комнате будет темно, звезды будут красиво мерцать. Паркетный пол прикрывал просторный палас, похожий на страницу из гигантского атласа автомобильных дорог: на нем в два цвета были изображены автотрассы и железнодорожные пути, проложенные на местности, изобилующей горными хребтами, оврагами и разного рода водными преградами. Отличный коврик, мальчишка часами сможет гонять по нему свои машинки! Я завистливо вздохнула.

– Сколько вашему мальчику? – спросила я, поглядев на завешенную кисеей кроватку, в которой мирно посапывал малыш.

– Это девочка, – с нежностью сказала Настя. – Ей уже восемь месяцев! Да вы говорите нормально, в полный голос, Катюшку, когда она уснет, пушками не разбудишь!

– Повезло вам, – заметила я. – Мой просыпается от малейшего шороха! Ему уже год, а по ночам все еще спит плохо, то животик беспокоит, то зубки болят, то водички попить хочет... Опять же, у вас девочка, ее можно в памперсах держать хоть день и ночь, а мальчикам, говорят, это вредно. Сколько я маялась с марлевыми подгузниками!

– Смотря какие памперсы, – заметила Настя.

Некоторое время, забыв о цели моего визита, мы увлеченно обсуждали достоинства подгузников разных марок. Потом я вдруг вспомнила, что привело меня к Насте и, невежливо перебив женщину, клеймящую позором коварно протекающие одноразовые штанишки, спросила:

– Настя, скажите, пожалуйста, а вам не вернули ту фотографию, которая позавчера была у Гены? Ну, то семейное фото со дня рождения Капитолины Митрофановны в семьдесят каком-то году?

– В семьдесят седьмом, – кивнула Настя. – Мне тогда только годик исполнился... Нет, к сожалению, не вернули! Я специально спрашивала, хоть и неудобно было – человек умер, трагически погиб, а меня заботит такая ерунда, как пропавшая фотография...

Она вздохнула, поправила выбившийся из высокой прически русский локон и проникновенно посмотрела на меня большими голубыми глазами. Я невольно залюбовалась ею: без преувеличения, Настя была настоящей красавицей. Большие прозрачные глаза цвета дымчатого

голубого топаза, четко очерченные брови вразлет, аккуратный прямой нос, скуластое лицо, густые волнистые волосы.

– Погодите-ка, на снимке ведь был рыжий малыш! – вспомнила я вдруг. – Генка указал мне на него, то есть на нее, сказал, это, мол, моя соседка... А вы-то не рыжая, вы русая!

– Рыжая, рыжая, – отчего-то шепотом уверила меня Настя, оглянувшись на плотно запертую дверь. – Я нарочно крашусь, чтобы Маришка не видела, что у меня волосы цвета морковки!

– Зачем? – удивилась я. – Такие кудри, как ваши, да еще огненного цвета! Это же так эффектно!

– Да, а вы представляете, как она меня дразнить начнет? – скривилась Настя. – Она будет кричать мне: «Рыжая-бесстыжая!»

Подивившись тому, какие странные отношения у мамы со старшей дочерью, я заглянула в колыбельку:

– А у Катеньки волосики какого цвета?

– Рыженькие, – ласково сказала Настя. – Головушка – как апельсинчик! Солнышко мое...

– А Катю Марина не дразнит?

– Попробовала бы она! – возмутилась Настя, разом утратив всю свою кротость. – Да я бы сразу пожаловалась мужу, он бы этой паршивке быстро показал, кто в доме хозяин!

– Так почему же он вас не защитит?

Настя насупилась, шмыгнула носом.

– Он ведь и ее любит, свинку такую, говорит, она сиротка несчастная, ее в строгости держать нельзя, жалеть надо!

Наконец-то я поняла, в чем дело:

– Так Маришка вам не родная дочь? Она ваша падчерица, дочь мужа от другого брака?

– Угу, – Настя угрюмо кивнула, снова заглянула в кроватку и просветлела. – Разве не видно? Маришка-то на меня совсем не похожа! А у нас, у Спиногрызовых, в роду дочери всегда похожи на матерей, лицо в лицо, только цвет глаз может разниться.

– Кажется, вы очень похожи на свою бабушку, – согласилась я. – Те же черты лица – с поправкой на возраст, разумеется. Какие у Капитолины Митрофановны волосы, я не видела, она в платке была, наверное, сейчас уже совсем седые, а были рыжие?

– Рыжие, – улыбнулась Настя.

– И глаза у вас точь-в-точь, как у бабушки!

– Нет, глаза у меня, как у тетки Анны, – не согласилась Настя. – Это у мамы моей были бабушкины огненные очи, да еще Нине, кухне моей, такие же «смородиновые» глаза достались. А у меня голубые с дымкой, «стылая водица» – так бабуля определяла цвет глаз своего мужа, моего дедушки.

Слушая эту тираду, я достала из сумки ручку и блокнот.

– Настя, вы не могли бы рассказать мне историю вашего семейства? То, что вам известно, конечно. Понимаю, сейчас не заведено знать свою родословную, но...

Неожиданно красивое лицо Насти залил яркий румянец.

– В чем дело? Я что-то не так сказала? – спросила я, обеспокоенная явным смущением собеседницы.

Молодая женщина молча поднялась, подошла к комоду, выдвинула нижний ящик и вытащила из-под аккуратной стопки розовых махровых ползунков толстую ученическую тетрадь.

– Вот.

– Что это? – заинтересовалась я.

– Это мое хобби, – понизив голос, призналась Настя. – Я пытаюсь составить родословное древо нашей фамилии! Только, пожалуйста, никому об этом не говорите! Особенно Маришке, а то она меня засмеет!

– Никому не скажу, – уверила я ее. – Разве что поделюсь информацией с телезрителями, в сюжете, но источник называть не стану. Пожалуйста, Настя, расскажите мне, что вы знаете!

Оглянувшись на кроватку – рыжеволосая малышка Катюша по-прежнему сладко спала, – Настя мило покраснела, откашлялась и развернула свою толстую тетрадь.

И вот что я узнала.

Золотоволосая ясноглазая красавица Капитолина родилась в казачьей станице Приозерной в 1904 году, в уважаемом семействе Черемисовых, и была младшим, шестым ребенком – последыш, баловень, любимица. Батюшка Капы, Митрофан Игнатьевич, реестровый казак, на своем веку немало послужил государю императору, а выйдя на покой, завел небольшую мельницу, сколотил тугую копеечку и жил – горя не знал.

Умер Митрофан ровнехонько в семьдесят лет, в девятьсот тринадцатом, и с этого момента счастье от семьи отвернулось. Заболела и слегла мать, постепенно захирело налаженное отцовское хозяйство, старшие братья маленькой Капы разошлись кто куда. Ураганный семнадцатый год и вовсе разнес некогда дружное семейство в рваные клочья, и после смерти матери у Капитолины не осталось никого и ничего. И вековать бы бедной сироте в девках, кабы не ее редкая красота: благодаря ей нашлись женихи и для бесприданницы.

Капитолина недолго перебирала и в двадцатом году вышла за сельского учителя Антона Спиногрызова. Год спустя у Капы родился первый сын, Васенька, еще через год – Никита, в страшном для Кубани, голодном двадцать четвертом году родилась хрупкая девочка, дочка Анечка. В двадцать шестом – третий сынок, Сенечка, и уже в тридцать пятом – дочка Маня, такой же последышек, каким когда-то была в своей семье сама Капа.

Книгочей и мечтатель, Антон Спиногрызов был не слишком домовит, рачительным хозяином его назвать нельзя, но мужем он оказался хорошим, жену любил и жалел. Особого достатка в большой семье никогда не было, однако жили дружно, даже весело – до самого тридцать седьмого года, когда Антона среди ночи вынули из теплой постели и в одном белье увезли незнамо куда. С тех пор Капитолина ничего не слышала о супруге. В тридцать восьмом году ей сообщили, что он умер – а где, как?

Отгоревав, в сороковом Капитолина снова вышла замуж, но свить новое гнездо помешала война.

В Великую Отечественную погиб и второй Капин муж, и сыновья – все трое. Последний, восемнадцатилетний Сеня, подорвался на mine уже после Победы, десятого мая. С матерью остались только дочери, Анна и Мария.

Как повелось в роду, девочки были очень похожи и друг на друга, и на мать, отличались только цветом глаз: у Капы глаза были янтарные, у Маши чайного цвета, у Ани дымчато-голубые. А волосы у всех были одинаковые: волнистое красно-золотое руно.

Анечка вышла замуж по станичным меркам поздно, в двадцать четыре года – за ветерана-инвалида, безногого Серегу. Тот сильно пил и рано умер, только и успел наградить супругу дочкой. Рыжеволосая голубоглазая Ниночка родилась в пятидесятом году и осталась единственным ребенком Анны. Та сурово вдовела, дожидалась внуков, но не дождалась: в семьдесят первом Нина вышла за Савелия Голохатко, парня из той же станицы Приозерной, уже ставшей пригородным поселком. Но детей у них не было.

В отличие от сестры, всю жизнь прожившей рядом с матерью, младшая дочь Капитолины Митрофановны, Маша, уехала в чужие края. С мужем-военным она побывала и в Сибири, и на Дальнем Востоке, и в Монголии. Кто где, родились дети: в пятьдесят шестом – Миша, в шестьдесят втором – Саша, в семьдесят шестом – Настя. Однако мужчинам в этой семье явно не везло, ни Миша, ни Саша даже жениться не успели: один утонул в четырнадцать лет, другой в семнадцать разбился на мотоцикле. Род Спиногрызовых продолжала одна Настя, да вот теперь будет маленькая Катенька...

Я старательно стенографировала за рассказчицей, чувствуя, что тону в море цифр и фактов.

– Хватит, Настя, достаточно! – наконец не выдержала я. – Слишком много информации! Пожалуй, для короткого сюжета мне не понадобится полный перечень потомков Капитолины Митрофановны и подробный рассказ об их судьбах... Скажите, а фотографии кого-то из тех, о ком вы рассказываете, у вас есть?

– Есть, конечно, – немного обиженно ответила Настя. – Мамины, разумеется, есть, мои собственные... Есть пара детских снимков с братьями, родными и двоюродными...

– Отлично, – я обрадованно отложила в сторону блокнот. – Можно мне на них взглянуть?

Перебирая разной величины картонные прямоугольники фотоснимков, я искала на них представителей старшего поколения. В первую очередь меня интересовала, разумеется, бабушка Капа.

– Нет, бабушкин снимок был только один – тот, что я дала Геночке, – вздохнула Настя. – Очень жалко, похоже, ни у кого из родственников не осталось фотографий бабули в молодости. Дядя Савва, муж тети Нины, тоже недавно интересовался, нет ли у меня бабулиного портрета былых времен. Нету! А если у меня нет, то у других и спрашивать не стоит, родичи мои к семейной истории все, как один, равнодушны.

Я быстренько подсчитала в уме: снимок, о котором шла речь, был сделан в семьдесят седьмом году, это же сколько лет было тогда Капитолине Митрофановне?

– По-вашему, семьдесят три года – это молодость? – закончив подсчеты, удивилась я.

– Так ведь я считаю относительно столетия, – пожала плечами Настя.

Помявшись, потому что мне не хотелось чернить память усопшего Конопкина, я все-таки спросила хозяйку, зачем она отдала Генке раритетную фотографию. Разве не знала, какой Конопкин ненадежный тип? Что Генке в руки попало, то, почитай, пропало! Во всяком случае, в отношении денег всегда было именно так и никак иначе!

– Так я и не собиралась давать, – призналась Настя. – Не только Геночке, вообще никому не хотела этот снимок раньше времени показывать. Я надумала его бабушке подарить, но не успела в рамочку вставить. Купить купила, хорошенькую такую рамочку, из красного дерева с маленькими золотыми ангелочками, но, когда я ее покупала, не посмотрела, что мне подсушили брак: стекло с трещиной!

Оказалось, что приобрела Настя «хорошенькую рамочку с ангелочками» уже по пути в Приозерный, направляясь на бабулин юбилей. Покупала наспех, держа на руках другого ангелочка – свою дочурку. Девочка капризничала, у нее зубик резался, и Настя улучила момент, чтобы развернуть покупку, уже только в станице, в разгар праздника. Тут-то и выяснилось, что рамочка с разбитым стеклом для подарка не годится, а вручать фотографию просто так Настя не захотела. Решила, что сначала купит другую рамку.

Пронрыра Генка углядел, как его соседка достала из сумочки конверт фотоателье и немедленно сунул туда свой нос. Бесцеремонно сцапал фотографию «только на одну минуточку», да и смылся с ней! Гоняться за бессовестным Конопкиным Насте было некогда, капризничаящая малышка дочка такой праздник устроила, что мать толком и юбилея не запомнила. Честно говоря, по сторонам Настя почти не смотрела, речи слушала вполуха и ничего не замечала, кроме своей рыдающей малышки. Даже на бабушку-юбиляршу толком не взглянула и, хоть убей ее, сейчас не вспомнит, как баба Капа в свой большой праздник себя вела и во что была одета, а это, согласитесь, нетипично для женщины – забыть, как выглядела героиня торжества!

Тут из колыбельки донесся писклявый плач, молодая мать мгновенно слетела с дивана и поспешно вытащила из кровати хнычущего младенца.

– Привет! – улыбнувшись, я приветливо помахала рукой толстощекому существу в мокрых панталонах.

Младенец разинул рот, продемонстрировав четыре белоснежных зубика с кружевными кромками, и распахнул глаза – болотно-зеленые, почти коричневые. На вспотевшей головке смешно топорщились редкие волосики, похожие на тонкие медные проволочки.

– Ну, не буду вас отвлекать! – понимая, что теперь хозяйке не до меня, я поспешила откланяться. – Спасибо, что уделили мне время и рассказали так много интересного!

Настя кивнула и с малышкой на руках проводила меня до двери. Я еще раз поблагодарила ее, попрощалась, послала воздушный поцелуй рыжей крошке и спустилась к оставленной у подъезда машине.

– Доброе утро, страна! – зевнув, миролюбиво сказал мне разбуженный водитель Саша.

– Кому утро, а кому уже и вечер, – не согласилась я, мысленно прикидывая, стоит ли вообще в половине пятого возвращаться в офис? По всему выходило, что не стоит. – Отвезешь меня домой, ладно? Или нет, сначала заскочим в кондитерскую на Наждачной, я там куплю фирменный торт-мороженое, а уже потом домой.

И я снова посмотрела на часы: к восьми меня, Коляна и Масяньку ждала на званый ужин Ирка. Я заранее созвонилась с мужем и условилась, что он привезет сынишку сам.

Купив вкусный торт, а к нему бутылку сладкого вина, я поспешила втиснуться в плотно набитый трамвай и потрусила в нем на конец города, в Иркины края.

На окраине Пионерского микрорайона трамвайные рельсы делают вытянутую петлю, так что, сядя в вагон на условно конечной остановке, пассажиры, следующие в центр, сначала движутся в обратном направлении. Трамвай идет по параболической кривой, разворачивается и делает следующую остановку точно напротив предыдущей. Я, когда еду к Ирке, обычно выхожу именно там, потому что тогда мне не нужно пересекать рельсы и пролегающую между ними оживленную трассу. Правда, перегон получается довольно длинный, он занимает минут десять, не меньше. За это время трамвайный кондуктор успевает, высадившись из вагона на конечной, перебежать пути и посетить туалетную кабинку на рынке. Естественно, что плату за проезд «на петле» никто с пассажиров не взимает. За те пятнадцать минут, которые я провела в вагоне, кондуктор ко мне не подошел ни разу – или же это я, задумавшись, не обращала на него внимания. Я уже начала было радоваться тому, что сэкономила деньги на билете: мелочь, а как приятно! Поэтому была немного удивлена, когда услышала над ухом вежливый мужской голос:

– Что у нас сегодня?

Я дисциплинированный пассажир, всегда честно плачу за проезд, поэтому четыре рубля давно уже держала наготове в кулаке.

– Ах! Опять деньги! Сколько можно! – скорбно вздохнул приятный баритон.

Я с интересом поглядела на юношу в кургузой желто-зеленой накидке кондуктора. Мне еще не встречались сборщики податей с аллергией на денежные знаки! Молодой человек подмигнул мне и с полупоклоном вручил надорванный билет.

– Это вам!

Сказал таким тоном, словно презентовал мне не рваный фантик, а бесценную орхидею!

– А что у вас для меня? – вкрадчиво-нежно спросил юноша следующую пассажирку.

Я засмеялась. Надо же, какой оригинальный тип! Нашел подход к дамам! Какая женщина сможет отказать такому галантному кавалеру, пусть даже он всего лишь кондуктор? Вон, все до единой представительницы прекрасного пола платят за проезд как миленькие! Никто не делает морду кирпичом, не отворачивается, притворяясь, будто не видит кондуктора! И все довольны: ему – положенная мзда, нам, дамам, хорошее настроение.

Все еще одобрительно улыбаясь, я вышла на своей остановке, пересекла рыночек и зашагала по тропинке через поле к виднеющимся в отдалении частным домам.

– Помочь вам с сумкой? – спросил кто-то сзади.

Голос показался мне знакомым, я обернулась и увидела юношу кондуктора, правда, уже без форменной накидки.

– Это не сумка, а коробка с тортом. Она большая, но легкая, – ответила я. – А ваша смена уже закончилась?

– Пока да, – на ходу пожал плечами молодой человек. – Следующий выход через пятнадцать минут. Хотя я решил его пропустить. Сбегаю домой, перекушу чего-нибудь.

– Выход куда? – не поняла я.

– На сцену! – воодушевленно вскричал юноша.

Видя мое недоумение, он засмеялся и полез рукой в карман куртки. Я напряглась: не дай бог, маньяк! Похож ведь на сдвинутого! Сейчас как выудит острый нож или удавку, и что я тогда буду делать? В чистом поле мы одни, до ближайшего жилья метров двести, даже моих криков никто не услышит! А в единоборствах я не сильна, если не считать шахматы...

Но странный парень достал из кармана не оружие, а свернутую сине-зеленую тряпицу.

– Это у вас что, флаг футбольной команды «Кубань»? – невольно заинтересовалась я.

– Это у меня сценический костюм, – юноша развернул накидку трамвайного кондуктора.

– Так вы не настоящий кондуктор? – смекнула я. – Вы жулик, маскирующийся под кондуктора?

– Я не жулик, я артист! – обиделся парень. Следом за свернутой накидкой он извлек из кармана бумажник.

– Должно быть, вам стало стыдно и вы хотите вернуть мне мои четыре рубля? – догадалась я.

– Почему мне должно быть стыдно? Вы заплатили свои четыре рубля за проезд в общественном транспорте и билет получили как положено, – возразил лжекондуктор. – Я вам хочу дать не деньги, а свою визитку.

Я машинально взяла белый бумажный прямоугольник и в наступающих сумерках с трудом прочитала написанное витиеватыми буквами: «Виктор Иванович Суриков, драматический актер».

– Не смотрите на меня с таким подозрением, я и вправду актер, а не жулик! – опять засмеялся юноша. – С трамвайными кондукторами «восьмого» маршрута у меня договоренность: пока они бегают в сортир на остановке, я играю роль кондуктора и собираю плату за проезд. Деньги сдаю на следующей остановке настоящему кондуктору, когда тот возвращается.

– А какая вам в этом выгода? – заинтересовалась я. – Кроме актерской практики, конечно?

– Так ведь не все пассажиры берут билеты, – объяснил мой собеседник. – Многие из тех, кто выходит на следующей остановке, отказываются от талончика. По моим наблюдениям, обычно это женщины. Они более сердобольны, чем мужики, и подают чаще. В смысле, жертвуют свои четыре рубля в пользу бедного кондуктора – конечно, если он им симпатичен. А я стараюсь понравиться! В результате настоящему кондуктору я сдаю только ту сумму, которая соответствует количеству проданных билетов. Все, что набегает сверху – мой личный «навар», своего рода гонорар артисту.

– И много зарабатываете?

– При хорошем раскладе – на каждой «петле» могу обаять с полдюжины пассажиров, а это двадцать четыре рубля! А трамваи восьмого маршрута в час пик идут с интервалом в десять-пятнадцать минут, пять трамваев в час, вот и посчитайте: если двадцать четыре рубля умножить на девять-десять выходов – за вечер работы иной раз до двухсот рублей набегает! Для бедного студента это деньги! И что особенно приятно: никакого мошенничества, и всем хорошо! «Горэлектротранспорт» получает свои кровные за трамвайные талончики, кондуктора с чистой совестью могут отлучиться, чтобы справить нужду, пассажиры получают удовольствие от общения со мной, а я очень прилично подрабатываю к стипендии!

За интересным разговором я не заметила, как дошла до Иркиной улицы. Попрощавшись с предприимчивым студентом-актером, я зашагала напрямик к нужному дому, а Витя Суриков, помахав мне ручкой, побежал куда-то в глубь квартала.

Поздним вечером, уложив спать измотанных беготней по просторному двору и возней с котом и собакой Шурика и Масяньку, мы сидели на ступенях высокого крыльца дома Ирки и ее супруга Моржика: сами хозяева плюс гости, то есть Колян, я и моя сестрица. Мама задержалась в доме, подтыкая одеяльца любимым внукам, и опоздала к раздаче пива с орешками. Впрочем, пиво разобрали мужики, Колян и Моржик, а орехов было еще навалом, полная корзинка. Ирка, исполняя хозяйский долг, размеренно тюкала молотком по ступеньке, впопыхах рискуя промахнуться и попасть не по очередному ореху, а себе по пальцам. Я все ждала, когда это произойдет, чтобы не испугаться, если она внезапно завопит. Однако громкий возглас донесся с другой стороны.

– Послушайте, что это?

Мы обернулись. Мама стояла на пороге за нашими спинами, близоруко вглядываясь в исписанный листок.

– А в чем дело?

Мама откашлялась и медленно, с чувством прочитала:

Под ним Земля неспешно вертится,
Над ним созвездий тенета,
И из ковша Большой Медведицы
На крышу льется темнота...

– Это стихи, – авторитетно сказал мой муж.

– Где ты взяла листок? – недовольно спросила я.

– В своем кармане. То есть в кармане халата, который мне дала Иришка, – поправилась мама.

– Это не мой халат, а Ленкин. В моем вы бы утонули, – отбив фразу ударом молотка, веско заметила Ирка.

– Аленка! Это что, твое?! – недобро оживилась моя младшая сестра, вполне наделенная фамильным ехидством.

– Ясное дело, мое, – буркнула я, предвидя неприятные расспросы. – В моих карманах чужого не бывает!

– Да я не о том! Это ты такое написала?

– Какое – «такое»?

– Да жутко глупое, вот какое! – бестактно заявила сестра. – Интересно было бы узнать, под кем там Земля вертится? Причем не как-нибудь, а неспешно... Про кого стихи-то? Про парашютиста?!

– Почему обязательно про парашютиста? Вовсе и не про парашютиста, – с достоинством возразила я. – Насколько помню, стихи написаны были про космонавта!

Это произвело впечатление: все замолчали. Ирка перестала стучать, как оголодавший дятел.

– Про кого?! – первым очнулся мой муж.

– Тебе что, конкретную фамилию назвать? Хочешь – про Гагарина! А хочешь – про Васю Пупкина! – разозлилась я.

– Я не знаю такого космонавта – Пупкина, – призналась мама.

– А я вообще не знаю ни одного Пупкина, – заметил Моржик. – Кажется, это довольно редкая фамилия...

– К черту Пупкина! Я говорю условно! Стихи про анонимного космонавта, – раздраженно пояснила я.

– Безымянный космонавт! Звездоплаватель инкогнито! – издевательски подхватила сестрица.

– Про космонавта! – упрямо повторила я. – Про любого космонавта, который на орбите! Высоко в небе! Наверху! А Земля внизу! Под ним! И она, как вы понимаете, вертится! Под ним же!

– Это вполне логично, – присаживаясь, осторожно сказала мама – математик по образованию.

– Ха! – фыркнула сестрица, от полноты чувств звонко шлепнув себя по коленкам.

– Что, комары донимают? – понимающе спросил Моржик. – Хочешь, дам тебе специальный дезодорант? Я его с собой на рыбалку беру – так комары на лету мрут!

– Дай ей лучше воды, – посоветовала я. – Или валериановых капель! Пусть выпьет и успокоится!

– Дети, дети! – миролюбиво сказала мама.

– Ну, ладно, положим, речь идет о космонавте, – сестра заговорила тише. – Пусть Земля вертится под ним, не буду придираюсь. Но на какую крышу льется темнота? На голову ему, что ли?

– Почему бы нет? – Мама тоже не удержалась от шпильки. – Говорят же, имея в виду голову: «Крыша поехала». Слова-синонимы! Алена у нас филолог, словарный запас у нее немалый...

– Черт! – Я не выдержала. – Да я вовсе не имела в виду космонавтову голову! По-вашему, он там, в космосе, сам по себе летает? Как ангел господень? Ясное дело, у него там есть свой космический дом – планетолет, станция какая-нибудь или что-то в этом роде! Крыша над головой! И вот на нее-то – заметьте! – и льется темнота!

– Непосредственно из ковша Большой Медведицы, откуда же еще! – невинно заметил муж.

Предатель! От возмущения я потеряла дар речи.

– Ты о чем? – заинтересовалась сестричка.

– Молчи, – сказала я мужу. – Уж лучше я сама объясню...

– А в чем дело? – спросила мама. – Прекратите, пожалуйста, спорить: созвездие Большой Медведицы действительно имеет форму ковша!

– Ну да, а все прочие созвездия имеют форму Большой Медведицы, – вздохнула я.

– Что-о?! – Сестра аж подпрыгнула.

– Сиди спокойно, – одернула ее я. – Чего скачешь? Толкаешься, как эта...

– Большая Медведица, – тихо подсказала Ирка, звонко тукнув молотком.

– Как Большая Медведица!.. Тьфу!.. Прекратите издеваться! Или я не скажу больше ни слова!

– Как миленькая скажешь! – Это, конечно, опять сестренка.

– Не перебивайте, а то передумаю признаваться! Ну, вот... Дело в том, что по астрономии у меня, конечно, была пятерка...

– Ко-онечно! – Это муж.

– Но астрономию мы в школе изучали по книжке! По картам звездного неба, по картинкам. И все созвездия там были отмечены и подписаны, потому-то я их знала и одно с другим не путала... А вот в настоящем небе ни одной подписи нет! И я всегда вижу там только одну Большую Медведицу!

– У тебя так испортилось зрение?! – испугалась мама. – Аленушка, надо обратиться к врачу, с этим не шутят!

– Да нет же! Зрение у меня нормальное...

– А что у тебя ненормальное? – встряла сестра.

– Ты у меня ненормальная! Отцепись! Зрение мое здесь ни при чем, просто я куда ни посмотрю, всюду вижу этот самый ковш! Большую Медведицу! За какую звезду ни зацеплюсь взглядом, непременно найду поблизости все прочие медвежьи составляющие! Знаю, так не бывает, но у меня других созвездий нет! Одни медведи, чтоб им лопнуть!

– Шишкин, – мечтательно сказал Колян. – «Утро в сосновом лесу», картина маслом!

– «Три медведя», фантик от шоколадной конфеты фабрики «Красный Октябрь»! – подхватила сестрица.

– Погодите, не мешайте, – попросила заинтересованная феноменом мама. – А ты пробовала с этим бороться?

– Как?!

– Ну, не знаю... Попробуй для начала найти не только Большую Медведицу, но и Малую... Потом поработай над чем-нибудь близкородственным – скажем, над Гончими Псами, – не спеша пройдишь через всю фауну к флоре, а мифологию оставь под конец...

– Не расстраивайся, – пожалел меня добродушный Моржик. – Ты ведь не одну Медведицу, ты еще и Луну в небе видишь!

– Спятить можно, – убежденно сказала сестра. – И такие люди работают на телевидении!

– При чем тут телевидение? – оскорбилась я.

– При том! Ты же в новостях работаешь, сообщаемь народу, помимо прочего, о последних достижениях в области науки и техники, а сама в них – ни в зуб ногой! Ничего не понимаешь!

– Ясное дело, не понимаю! – Я перешла в наступление. – Понимала бы, писала бы не тексты для новостей, а диссертации! И кому было бы интересно их читать? Да и потом, какие это новости, если они о хорошо известном? О неизвестном надо сообщать! Новости общеизвестными не бывают!

– Но...

– Никаких «но»! Да, у меня нет специальных знаний по целому ряду вопросов! И слава богу! Мои зрители тоже не все сплошь астрономы, программисты и геронтологи!

– Что ты имеешь против программистов? – обиделся за все свое профессиональное племя Колян.

– Геронтологов-то ты к чему приплела? – добродушно поинтересовалась Ирка, поигрывая молотком.

– Да сюжет мне нужно сделать про юбилей столетней старушки, – пояснила я, забирая у мужа ополовиненную бутылку пива. Хлебнула и скривилась: – Вот гадость, как ты это пьешь, оно же горькое!

– Не отвлекайся, расскажи про старушку, – попросила Ирка.

– Да что рассказывать? Бабке стукнуло сто лет...

Ирка в унисон стукнула молотком по очередному ореху. Слишком сильно: орех лопнул и брызнул во все стороны битой скорлупой.

– По поводу юбилея наши власти организовали шоу с застольем и подарками, – успешно увернувшись от ореховой шрапнели, поведала я. – Если следовать логике моей сестрицы, то освещать подобное мероприятие должен специалист по старцам, то есть именно врач-геронтолог. Или какой-нибудь шоумен. Но ни шоуменов, ни геронтологов в штате нашей телекомпании нет, так что за них за всех придется отдуваться мне одной, уж извините. А кому не нравится, пускай отравится!

– Это справедливо, – кивнула мама.

– А я что говорю!

– Ну, хватит дискуссий, – Моржик откровенно зевнул. – Спать пора! Завтра некоторым из нас с утра на работу...

– Идемте в дом, – поддержала его Ирка. – Чего мы, собственно, сидим тут в потемках? Глазеюем в чистое поле... Ждем прибытия рейсовой летающей тарелки?

По хрустящей под ногами ореховой скорлупе один за другим мы потянулись в дом. В окнах загорелся свет.

– Значит, летающей тарелки сегодня не будет? – тихонько спросила у меня мама. В голосе ее слышалось сожаление.

– Сегодня – нет, – уверенно сказал Колян, быстро глянув сначала на Луну, прочно застрявшую в одной из Больших Медведиц, а потом на светящийся циферблат своих наручных часов. – Сегодня среда, а она прилетает по понедельникам, и не раньше полуночи.

– Он тебя разыгрывает, – я гулко стукнула мужа по широкой спине. – Летающих тарелок в природе не бывает! Как и телепатов, ясновидящих, говорящих животных, честных политиков и зомби...

Не будучи ясновидящей, я тогда не могла знать, что в ближайшее время мне предстоит пересмотреть свое мнение по последнему пункту.

Я не очень хорошо сплю на новом месте, потому что ни одно ложе не бывает удобнее и уютнее собственной постели. Поэтому вполне комфортная широкая кровать, предоставленная в наше с Коляном распоряжение гостеприимной Ирккой, не была оценена мной по достоинству. Давно уже крепко спал на своей половине ложа Колян, уютно сопел в круглом надувном бассейне, временно возведенном в ранг детской кроватки, Масынька, а я все лежала, тупо тараща в темноту. Мне никак не удавалось уснуть, хотя я перепробовала уже все народные средства: добросовестно пересчитывала воображаемых баранов, напевала заунывные колыбельные и даже пыталась сама себя укачивать, обхватив руками бока. Где-то в третьем часу ночи мне стало ясно, что без снотворного обойтись не удастся, и я потихоньку, чтобы не разбудить спящих Колянов, выползла из-под шуршащего шелкового покрывала, вышла из темной комнаты и побрела в кухню – искать аптечку.

Топографию Иркиного домовладения я знаю досконально, поскольку мне случалось подолгу жить в этом доме. Как-то я даже выдержала настоящую осаду, прячась здесь от охотящихся за мной киллеров. Поэтому мне не составило труда отыскать дорогу в кухню, а в ней найти шкафчик, на полке которого лежал вместительный чемодан, который Ирка ласково именует «аптечкой». Порывшись в этом саквояже, я отыскала пузырек с таблетками валерьянки, вытряхнула из него сразу три приплюснутых желтых горошины и проглотила их, запив водой из-под крана. «Докторский чемоданчик» забросила обратно на полку, закрыла дверцу шкафчика, отошла на пару шагов, и тут за моей спиной ка-ак грохнет!

В ужасе я обернулась и увидела, что кухонный шкафчик сорвался с петель и упал на пол.

– Пустяки, дело житейское, – успокоила я сама себя. – Ничего хрупкого, легкобьющегося там не было, один чемодан с лекарствами!

С трудом открыв дверцу перекосившегося шкафчика, обморочно валявшегося на спине и похожего на разбитый гроб, я взглянула на чемодан, похожий на лежащего в гробу гиппопотамчика. Он выглядел неповрежденным, но почему-то был мокрым. Я вытянула обмочившегося гиппопотамчика наружу, машинально пробормотав незабвенное:

– Ох, нелегкая это работа – из болота тащить бегемота!

С бегемота, то есть с чемодана капало. Я озабоченно заглянула в опустевшую домовину: ох! Похоже, на полочке рядом с «аптечкой» стояла какая-то посудинка с разведенной марганцовкой, а я метким броском саквояжа ее раздавила!

– Я так и знала, что это ты хулиганишь, кто же еще! – возмущенно произнесла появившаяся на пороге Ирка – в белой шелковой ночнушке, похожей на парашют и смешных тапках с помпонами. – Угомону на тебя нет! Три часа ночи! Ты смерти моей хочешь!

– Кто убился? – по-своему услышал последние слова жены подоспевший Моржик в дивной пижаме с Симпсонами.

Он окинул встревоженным взглядом кухню, заметно побледнел, увидев на светлом линолеуме красно-черную марганцовочную лужу, и подкорректировал вопрос:

– Кого убили?

Я не успела ничего ответить, потому что в проеме двери, столкнувшись лбами, проявились мои мама и сестра.

– С ума сошла, сунула труп в чемодан! – с ходу оценив обстановку, накинулась на меня сестричка. – Что, в доме не нашлось большого полиэтиленового мешка? А ну, живо, бери тряпку и вытирай с баула свои отпечатки!

– Аленушка, детка, как ты могла?! – воскликнула мама.

– Как – это не вопрос, инструмента в доме навалом, – отмахнулась сестра, кивнув в сторону украшающего рабочий стол декоративного поленца с торчащими из него ручками разнокалиберных ножей.

– В чемодане никакого трупа нет! – с трудом перекрыв гудящие голоса, сообщила я.

– А где он? – тут же спросила сестра.

– А кто он? – вторил ей Моржик.

– А где Колян? – быстро пересчитав присутствующих по головам, испугалась мама.

– Вы что, поссорились? – схватилась за голову Ирка.

– Коляна в чемодане тоже нет! – продолжала отбиваться я.

– А где он? – видно, на этом вопросе сестрицу заклинило.

– Он в постели! – выкрикнула я.

На мгновение стало тихо. Потом Моржик многозначительно присвистнул и с отчетливой завистью в голосе сказал:

– Красиво погиб! Как мужчина!

– А зарезала ты кого? – ожила бесцеремонная сестрица.

– И зачем? – поинтересовалась Ирка.

– Третий лишний! – многозначительно изрек понятливый Моржик.

– Деточка, не пытайся скрыться с места преступления, это бесполезно! Поставь чемодан и сядь, я сейчас дам тебе валерьянки! – захлопотала вокруг меня заботливая мама.

– Я уже выпила валерьянку! – взвизгнула я.

– Непохоже, – заметила Ирка.

– Где у тебя лекарства, Ириша? – продолжала метуситься взволнованная мамуля.

– В шкафчике, в большом саквояже, – машинально ответила Ирка.

И она автоматически посмотрела сначала на кухонную стенку, в которой оторвавшийся шкафчик образовал брешь, потом на сам шкафчик, а затем и на чемодан у моих ног.

Еще пару секунд до присутствующих доходил смысл Иркиных слов, потом Моржик наклонился над красной лужей, принялся и сообщил:

– Это марганцовка!

– Не поняла, – с претензией сказала сестрица. – Это что, не кровь? Выходит, ты никого не убила? А зачем тогда глотала валерьянку?

– Затем! – рявкнула я, отпихивая протянутый мне мамулей стакан с водой. – Успокоиться хотела, уснуть! А то все дрыхнут, как мертвые, и Колян там лежит-валяется, а я мучаюсь!

– А Колян, значит, все-таки того? Лежит? – снова напрягся Моржик.

– Чего это вы разорались среди ночи? – зевая, хрипло спросил из-за спин опоздавший на шоу Колян. – Галдите, как вороны! Шумите так, что мертвого поднимете!

– Свят, свят, свят, – тихо сказала мама, глядя на Коляна округленными от испуга глазами.

– Ты кто – зомби? – прямо спросила сестрица, на всякий случай протягивая руку к свисающей с крюка в потолке вязанке чесночных головок.

– Не понял? – Колян изумленно крутил головой.

– Где у нас серебряные вилки? – не сводя с него глаз, громким шепотом спросил у Ирки Моржик.

– С ума вы все, что ли, посходили! – очнувшись от ступора я. – Ну, сказочники! Подумать только, Коля, эти ненормальные записали меня в кровавые убийцы, а тебя – в зомби!

– Но почему? – удивился Колян.

– Сейчас я тебе все объясню, – возвращая на место чеснок, поспешила вмешаться сестрица.

Торопясь и перебивая друг друга, сестра, мама, Ирка и Моржик изложили свое видение ситуации. Я несколько раз порывалась открыть рот, но мне и слова вставить не дали. Колян внимательно слушал и уже на середине рассказа начал обидно хохотать.

– Пойдем прочь от этих психов! – Схватив веселого «зомби» за руку, я отволокла его обратно в постель.

Заглянула в надувной загончик к малышу и убедилась, что Масынька крепко спит.

– Брали бы пример с ребенка, оболтусы, – обиженно ворчала я, забираясь под скользкое покрывало. – Вот, младенец – образец для подражания: среди ночи по дому не бегает, драматических сцен не устраивает, мирно спит и видит приятные сны!

О том, что первой вылезла из кровати и пошла бродить по дому я сама, я почему-то напрочь забыла.

Четверг

Полутру за завтраком все делали вид, что ночного шоу не было. Кажется, даже до сестрицы дошло, что подозревать меня в совершении кровавого преступления было, по меньшей мере, бестактно. Мама предупредительно намазывала для меня бутерброды, Ирка подливала в чашку кипятка, а сестра наступила себе на горло и не слопала последний эклер, уступив его мне. Все еще обиженная, я надменно игнорировала эти мелкие знаки внимания и нарочито оживленно общалась с Масянькой. Малыш с аппетитом уплетал холодные котлеты, собственноручно добытые им из папиной тарелки. Колян с несчастным видом ковырял ложкой детскую манную кашу.

– А где Моржик? – сообразив наконец, что за столом кого-то не хватает, спросил Колян. Тут же покосился на меня и дипломатично добавил – Не подумайте чего плохого, я никого ни в чем не подозреваю, просто мне интересно, где сейчас Моржик?

Я тихо фыркнула.

– Этот маньяк пошел на охоту, – ответила Ирка. Запнулась и тоже опасливо покосилась в мою сторону: – То есть он просто взял ружье и пошел охотиться на уток.

– А разве сезон охоты на уток уже открыт? – удивилась мама.

– Так он с фоторужьем пошел!

– Не кровавая, стало быть, будет охота, – кивнула сестрица. – Ой! Кто это наступил мне на ногу?

Колян засемафорил бровями, делая сестрице страшные гримасы.

– Папа! Г-г-г-г! – обрадовался Масянька.

– Да, папа страшный, как волк: р-р-р-р! Колобок, колобок, я тебя съем! – подхватила я.

– Кстати, о еде, – Колян наконец-то решился отодвинуть в сторону Масянькину мисочку с кашкой. – А что, в доме больше ничего не осталось? Я имею в виду, из нормальной человеческой еды?

– «Вискас», «Педигри», овсянка, сырые овощи в подвале, там же соленья и маринады... Да, еще сгущенка и тушенка! – вспомнила Ирка.

– Тушенка! – сладострастно воскликнул Колян.

– Сгущенка! – с энтузиазмом возопила сестрица.

– Так, с этими обжорами все понятно, – я встала из-за стола. – Ну, некоторым из нас набивать брюхо недосуг, некоторые имеют обыкновение ходить на работу...

– У некоторых на службе в каждом ящике рабочего стола по шоколадному батончику, – обиженно припомнил Колян. – Якобы для снятия стрессов!

– Слушай, Алена, и ты еще надеешься избавиться от стрессов? – искренне удивилась сестра. – Ты же сама – ходячий стресс!

– От стресса слышу! – оскорбилась я.

– Тише, дети, тише! – поспешила вмешаться мама. – Не ссорьтесь! Алена, тебе пора на работу? Беги, с Масянькой сегодня я посижу.

– Баба, – покровительственно сказал малыш, награждая бабулю надкушенной котлеткой.

Грозно посмотрев на сестрицу, я обиженно надутыми губами чмокнула в щеку истребляющего тушенку мужа, поцеловала сынишку, сделала ручкой Ирке и побежала по тропинке через поле на трамвайчик.

– Вот она! – голосом загонщика, заведя зверя, заорал кто-то из окна телекомпании, стоило мне подойти к порогу.

Я завертела головой, высматривая неизвестную зверушку, ставшую предметом охоты моих коллег, но увидела только вываливающегося из дверей оператора Вадика. Он и впрямь

смахивал на охотника в полной амуниции: с одного плеча через грудь на ремне свисал подсумник с запасными аккумуляторами, с другого, тоже на ремне – сложенный штатив в чехле, в правой руке была сумка с камерой, в левой – бумажный листок «путевки». Размахивая им, как белым флажком, Вадик с самым сосредоточенным видом неся прямо на меня.

– Куда? – поинтересовалась я, когда он пролетал мимо.

– За мной! – невпопад скомандовал Вадик.

Я не тронулась с места.

– Оглохла, что ли? – остановившись, прикрикнул на меня грубиян. – Живо, поворачивайся, и побежали!

Пожав плечами, я развернулась и поскакала рядом с упакованным в операторскую упряжь Вадиком, как вольный жеребенок. Азартно топая и едва ли не сшибая прохожих, мы примчались к машине, ожидавшей нас с работающим двигателем.

– По коням! – продолжая лошадиную тему, крикнул раскомандовавшийся Вадик водителю.

Невозмутимый Саша дождался, пока мы ввалимся в салон, и с возгласом: «Н-но, мертвая!» стронул красного «жигуля» с места.

– Что за спешка? Можно подумать, на пожар торопимся! – отдышавшись, с неудовольствием заметила я.

– Именно что на пожар, – кивнул громко сопящий Вадик.

– Да ну? А что горит?

С водительского места донесся злорадный смешок:

– Менты горят! – хихикнул Саша.

– То есть? – Я еще не вникла в происходящее.

– То есть окружное управление внутренних дел! – пояснил Вадик.

– Горит?!

– Синим пламенем!

Я тоже хмыкнула. УВД округа от нас недалеко, и буквально через три минуты мы прибыли на место происшествия – раньше всех других СМИ, пропустив вперед только пожарную машину.

Как только Саша припарковал «жигуленка», мы с Вадиком выпрыгнули из автомобиля и занялись каждый своим делом: оператор расчехлил камеру и помчался снимать собственно пожар, а я порысила на поиски свидетелей и потерпевших.

– О! Слетелось воронье! – скорбно возвестил при виде меня мой добрый знакомый капитан Лазарчук.

– Привет погорельцам! – весело приветствовала я приятеля, восседающего на пыльной обочине.

– Присаживайтесь, – незнакомый улыбчивый парень, соседствующий с унылым Лазарчуком, подвинулся, галантно уступая мне часть свежепобеленного бордюра.

– Спасибо, я постою, – отмахнулась я. – Серега, что там у вас горит?

– Столовая, – угрюмо буркнул Серый.

– У вас разве есть столовая? – удивилась я, нетерпеливо переминаясь, потому что мне очень хотелось сбежать взглянуть на пионерский, пардон, милицкий костер.

– Теперь нету, – согласился Серый.

Речь его была несколько затруднена, потому что говорил Серый, почти не разжимая челюстей: подбородком он опирался на крючковатую ручку старомодного зонта. Я присмотрелась: на шее у капитана в этот теплый денек красовался шерстяной шарф, весьма своеобразно сочетающийся с легкой трикотажной футболкой.

– Я смотрю, ты успел спасти свое личное имущество – то, что болталось на вешалке в кабинете? – подытожила я увиденное.

– Не только личное, но и казенное, – обиделся Серый. – Между прочим, первым делом мы с Сашком вынесли сейф, потом стол, стулья и скамейки! Ну, и вешалку...

– Сашок, – кстати представился сосед Серого по бордюру.

– Очень приятно, Елена, – кивнула я.

И огляделась в поисках упомянутой Серым достопримечательности – массивной парковой скамьи на витых чугунных ножках. По легенде, некогда она была оприходована отделением как вешдок, да так и прижилась в одном из кабинетов.

Скамья помещалась рядом, в крайне неестественной для нее вертикальной стойке, вплотную к стволу раскидистого клена.

– Не бойтесь, что она упадет? – с этими словами, не сводя глаз со вздыбленной лавочки, я отступила назад и неосторожно толкнула ногой зонт, на ручку которого пристроил свою нижнюю челюсть капитан Лазарчук.

Зонт упал, шаткое равновесие нарушилось, и капитан резко клюнул носом, едва не зацепив им асфальт.

– Почти такая история случилась с моим приятелем Генкой, – даже не подумав извиниться, заметила я. – Только с гораздо более трагическими последствиями, потому что там упал не зонт, а какая-то лопата, а она подпирала второй этаж сеновала, а на нем лежали клубки сена...

– Клубки чего? – с живым интересом переспросил Сашок.

– Сена! Его специальная сеноуборочная машина формовала в громадные такие катушки... Ну вот, Генку этими катушками и задавило...

– Насмерть? – профессионально-безразлично поинтересовался Серый.

– Абсолютно! – вздохнула я.

– Кто же такую опасную конструкцию соорудил? – спросил Сашок, укоризненно посмотрев на меня.

Можно подумать, это я в ответе за соблюдение техники безопасности на сеновалах!

– Хозяин сенохранилища, кто же еще, не я же и не Генка, – я пожала плечами. – Генку то туда вообще непонятно зачем черти занесли...

– Странная какая-то история, – заметил Серый. – Следственная группа на месте происшествия была?

– Не знаю, как-то не интересовалась... – я замолчала и задумалась.

А в самом-то деле, обстоятельства гибели журналиста наверняка должны были выяснять специалисты-криминалисты! Может, он не сам убит? Может, эти снопы на него кто-нибудь нарочно скатил? Зачем – не знаю, но ведь прислал же мне Генка SMS-ку, в которой сообщал о своем намерении «копать» по поводу загадочных «грохнувших бабок»! И прислал он мне ее после того, как мы расстались на именинах, но до того, как сам встретился со смертоносными копнами! Ведь потом-то он сделать этого уже не мог!

Тряхнув головой, я отогнала очередное жуткое видение: припорошенный сеном Конопкин в новом для себя качестве ожившего мертвеца холодной синюшной рукой нажимает на кнопки сотового телефона, спеша проинформировать мир живых в моем лице о своих планах на будущее. Зомби, расследующий какие-то финансовые махинации – это было бы уж слишком даже для неугомонного Конопкина!

– Серый, у меня к тебе деловое предложение, – скороговоркой сказала я вмиг насторожившемуся Лазарчуку.

– Мне заранее страшно, – признался он.

– Ничего страшного, не пугайся! Предлагаю тебе заключить джентльменское соглашение!

– Он не джентльмен, – предупредил меня Сашок.

– Я тем более, – отмахнулась я. – Суть соглашения такова: я велю оператору ни в коем случае не снимать тебя, хотя ты жутко интригующе выглядишь в этом своем кашне на голое

тело, просто типичный погорелец, и ты не попадешь в наш репортаж о пожаре. А ты за это узнаешь для меня, что думают люди из опергруппы, выезжавшей на место гибели Конопкина!

– А кто такой Конопкин?

– Да тот парень, которого завалило сеном!

Серый громко поскреб ногтем синюю щетину на подбородке:

– Гарантируешь, что моей ментовской морды на экране не будет?

– Ни морды, ни какой другой части твоего милицейского организма! Честное пионерское!

– Лады, – Серый снял намотанный на шею отрез шотландки, посмотрел на него с некоторым недоумением и передал Сашку.

Тот тоже с удивлением взглянул на шерстяное кашне, поискал глазами, куда бы его пристроить, и не придумал ничего лучшего, как натянуть его себе на шею.

Я коварно усмехнулась и незаметно поманила пальчиком хищно кружащего неподалеку Вадика. Коршун с камерой тут же подлетел ко мне, и я шепотом сформулировала ему задачу. Ладно, Серого я обещала не снимать, но Сашок очень кстати намотал шарф на себя, так что колоритный милиционер-погорелец у меня в сюжете все-таки будет!

Двумя часами позже, уже сделав в меру ехидный сюжетик о пожаре в ментовке, я вышла из аппаратной видеомонтажа и проследовала к себе в редакторскую, попутно решая нехитрую задачку: удовольствоваться на обед дежурной чашкой кофе с печеньем или не полениться, сбегать в магазинчик через дорогу и купить колбаски? Или сыра...

– Сыр или колбаса? – как пистолетом, ткнув пальцем в живот пробежавшего мимо Вадика, спросила я точь-в-точь с такой интонацией, с какой галантные грабители прошлого вопрошали путников на большой дороге: «Кошелек или жизнь?»

– Где? – без промедления откликнулся Вадик.

– В магазине, – досадливо сказала я. – Я думаю, чего купить. Просто скажи, сыр или колбаса?

– И то, и другое, и можно без хлеба!

– А ты сбегашь? – Я смекнула, что из приязни оператора к мясо-молочным продуктам можно извлечь некоторую пользу. Например, не бежать в магазин самой!

Я вручила Вадика свой кошелек и, таким образом снарядив его в набег на торговую точку, дошла-таки до редакторской. В помещении было тесно от набившегося в него праздного народа. Оккупанты истребляли наши чайно-кофейные запасы и развлекались кто во что горазд. Я влилась в оживленную группу, в центре которой возвышался рослый оператор Женя. Он оживленно жестикулировал и витиевато пересказывал присутствующим комические эпизоды утреннего прямого эфира. Тот факт, что большинство слушателей присутствовало при проведении передачи лично, Женю не смущал. Граждане, впрочем, слушали его разглагольствования с очевидным удовольствием. Сама-то я утром ездила на пожар, лично описываемых событий не наблюдала, поэтому тоже остановилась послушать, и, чтобы сразу вникнуть в суть, шепотом спросила у стоящей рядом Наташи:

– А кто был на передаче?

– Генеральный директор авиакомпании «Аэролайн», а вел программу наш Костя.

Я кивнула.

– И тут гость спрашивает: «Знаете ли вы, какие птицы царят в небе Кубани?» – оживленно вещал Женя.

Вспомнив утреннюю застольную беседу с родными, я с трудом удержалась, чтобы не ляпнуть: «Утки!»

– Ну, Костик наш не орнитолог, – продолжал Женя. – Он напрягся, но гость этого не заметил и сам ответил: «Вот уже семьдесят лет в небе Кубани царят стальные птицы!» Фу-у! Отлегло! Передача идет своим чередом, и вдруг гость снова огорошивает Костика вопро-

сом: «Знаете ли вы, чем хорош «Як-42»?» Костик не авиаконструктор, он снова напрягается, но гость опять отвечает сам. «Як-42», – вещает он, – это сертифицированное воздушное судно, что говорит о его надежности». И тут обрадованный Костик сообщает зрителям, что сейчас они увидят этот замечательный летательный аппарат на своих экранах!

Костик еще не знает, что кассету с подсьемками «Яка» буквально за минуту до эфира уронили в стаканчик с «Дошираком», и именно в этот момент режиссер, намеревавшийся откусить после передачи горячей лапшички, страшно матерится, потому что не хочет есть закосившую «под спагетти» запаренную видеопленку. Соответственно, на экранах не появляется изображение самолета «Як-42», о котором захлеб рассказывает гость. Зато там самопроизвольно, но явно в тему к полетам появляется высококачественное изображение мухи студийной обыкновенной! И что особенно примечательно, летает эта сволочь в полном соответствии с техническим описанием «Яка», демонстрируя ровное поступательное движение, быстрый набор высоты, плавное кружение, пикирование и даже мягкую посадку на лысину гостя!

Слушатели захохотали.

– Не везет «Аэролайну» с телевизионной рекламой, – отсмеявшись, резюмировала Наташа. – Помните, на прошлой неделе их бегущую строчку: «Вперед! С нами в полет!» выпустили на художественном фильме именно в тот момент, когда герой выпал из окна небоскреба!

– А помните их гениальный слоган – «С нами на небеса!»? – напомнил Женька. – Меня так и тянуло спросить, держат ли они на борту своих самолетов вместо спасжилетов белые тапки по числу пассажиров!

– Я пришел к тебе с приветом, рассказать, что сыра нету! – продекламировал мне на ухо незаметно подкравшийся Вадик. – Таким образом, спор сам собой решился в пользу колбасы!

– Колбаса так колбаса, – довольно безразлично ответила я, оглядывая полки посудного шкафчика в поисках пары чистых чашек.

Сделала нам с Вадиком кофе, соорудила по большому бутерброду, села за свой стол и задумалась. Женькин рассказ меня взволновал: что-то такое, связанное с мухами, было совсем недавно... Вот беда, не могу вспомнить, а мне кажется, это что-то важное!

Дожевав бутерброд, я взяла себя в руки, а в них – шариковую ручку, чтобы написать текст для субботнего репортажа об именинах Капитолины Митрофановны Спиногрызовой. Увы, дело не спорилось, кроме стихотворной мечты Маяковского «Лет до ста расти нам без старости!» в голову ничего не приходило.

– У кого-нибудь есть идеи, как подать юбилей столетней старушки? – попросила я помощи у коллег.

– Аж сто лет?! Нет, такие дамы меня не вдохновляют, – высокомерно заявил режиссер Слава.

– Век живи – век учись, – добрая Наташа предложила в качестве отправной точки использовать затертую народную мудрость.

– Какое – «учись»? – отмахнулся прихлебывающий кофе Вадик. – У бабули уже склероз, маразм и недержание!

– Тогда так: Век живи – век мочись! – тут же подправил поговорку зубоскал Женька.

– Или так: Сто пять – баба ягодка опять! – заржал Вадик. – Но это тезис на будущее, если бабуля доживет до следующего юбилея!

Главный редактор Дмитрий Палыч деликатно кашлянул и просительно сказал:

– Хорошо бы начать как-нибудь лирично... Сказать что-нибудь про бабушкины натруженные руки, про мудрый взгляд ее глаз...

– Точно, глаза! – вскричала я с жаром.

– Я рад, что сумел помочь, – зарделся главный.

Я благодарно ему улыбнулась. Душка Дмитрий Палыч и впрямь мне помог, хотя и не так, как думал: когда он сказал о бабушкиных глазах, я поняла, почему меня так интриговала описанная Женькой муха. Я вспомнила про муху-дрозофилу!

Только не подумайте, что я вспомнила какую-то конкретную муху, вовсе нет. Тесной дружбы с насекомыми я никогда не водила, среди моих домашних питомцев мух, комаров и разных-прочих сколопендр отродясь не числилось. И это не расизм и не фобия. Я не боюсь насекомых и не ваюсь в обморок с белым, как брюхо дохлой рыбы, лицом при виде безобидного паучка или оленя кухонных ландшафтов – таракана. Не могу даже сказать, что все до единого насекомые мне не нравятся, бабочками, например, или божьими коровками я всегда люблю, но эти мелкие твари крайне плохо поддаются дрессировке, и относительно прирученными можно считать разве что медоносных пчел. Короче говоря, насекомые до сих пор не оставили сколько-нибудь заметного следа в моей жизни (и слава богу!). Но пресловутая муха-дрозофила мне крепко запомнилась благодаря школьным урокам биологии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.